

ПОШЕЛМ НАУДАЧУ

*Шесть злополучных цифр.
Принесут ли они удачу?*

ТРИЛЛЕРЫ
АДЕЛЬ ПАРКС

SUNDAY TIMES NUMBER ONE BESTSELLER
ПРОДАНО ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Хиты Amazon. Триллеры Адель Паркс

Адель Паркс

Поцелуй на удачу

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

Паркс А.

Поцелуй на удачу / А. Паркс — «Издательство АСТ»,
2021 — (Хиты Amazon. Триллеры Адель Паркс)

ISBN 978-5-17-145767-9

У каждой компании есть своя особенная традиция. Например, Лекси, Джейк и их друзья покупают одинаковые лотерейные билеты уже пятнадцать лет. Годы дружбы и ужинов с коктейлями на заднем дворе – все смеялись, когда билеты в очередной раз проигрывали. Сначала происходит ссора, первая за пятнадцать лет. Всплывают наружу старые секреты. Потом Лекси и Джейк внезапно выигрывают огромную сумму в лотерею. И злополучные шесть цифр меняют жизнь героев навсегда. Всегда ли удача ведет к добру?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-145767-9

© Паркс А., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

51

Адель Паркс

Поцелуй на удачу

*Джиму и Конраду.
Я выиграла в лотерею.*

© Adele Parks 2021

© Яновская А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

БАКИНГЕМШИРСКИЙ ВЕСТНИК

9 ноября, 2015

Элен Уинтердейл, 37 лет, управляющая недвижимостью, получила условный срок за неказание обслуживания неисправного газового котла, ставшего причиной гибели двух жильцов от отравления угарным газом.

Тела Ревеки Альбу, 29 лет, и ее двухгодовалого сына были найдены мужем погибшей, мистером Тома Альбу, 32 года, в арендованном ими доме в Рединге 23 декабря 2014 года.

После расследования, проведенного Управлением по охране труда и технике безопасности, Королевский суд Рединга вынес мисс Уинтердейл приговор за нарушение законов о газовой безопасности, так как она в течение трех лет не организовывала проверок газового оборудования, несмотря на то, что убеждала своего работодателя, владельца дома, в обратном.

В июне 2011 года сотрудник Национальной энергосистемы посетил владение, чтобы заменить газовый счетчик. Котел был отмечен как «представляющий непосредственную опасность» из-за «дыма в открытом дымоходе» и отключен. Отчет был оставлен миссис Альбу, а затем мисс Уинтердейл было отправлено письменное уведомление, которое она проигнорировала и не передала владельцу собственности.

Починка котла не проводилась. В течение двух с половиной лет единственным источником отопления в доме являлся одолженный электрический камин.

22 октября 2014 года мистер Тома Альбу не ночевал дома и по возвращении обнаружил, что в квартире тепло – жена сообщила ему, что после неоднократных просьб мисс Уинтердейл наконец-то договорилась о повторном подключении котла.

Вечером 23 декабря 2014 мистер Альбу вернулся домой после двойной смены и обнаружил жену и сына мертвыми. Тесты показали, что в крови миссис Альбу содержался 61 % монооксида углерода. Для летального исхода достаточно 50 %.

Мисс Уинтердейл признала себя виновной в семи нарушениях правил газовой безопасности и получила 16 месяцев тюремного заключения и два года условно. Ей также назначили 200 часов общественных работ, оштрафовали на 4000 фунтов и обязали оплатить расходы в размере 17 500 фунтов.

1

Лекси Суббота, 20-е апреля

Я не могу заставить себя поехать прямо домой к Джейку. Я не готова с этим разбираться. Мне нужно попытаться все обдумать. Но как? С чего начать? Я понятия не имею. Меня ужасает пустота в моих мыслях. Я всегда знаю, что делать. У меня всегда есть решение, способ справиться с проблемой, повернуть все в лучшую сторону. Я – Лекси Гринвуд, женщина, известная своими способностями все налаживать и оптимизмом (некоторые даже могли бы презрительно назвать меня святошей). Лекси Гринвуд: жена, мать, друг.

Ты думаешь, что знаешь человека. Но ты никого не знаешь по-настоящему. И никогда не сможешь узнать.

Мне *нужно* выпить. Я еду в местный паб. Черт с ним, оставлю машину здесь и пойду домой пешком, заберу ее утром. Я заказываю большой бокал красного вина, а потом ищу место в уголке, где можно осушить его в одиночестве. Сейчас пасхальные выходные, да еще и на редкость жаркие. Здесь битком набито. Пока я пробираюсь по лопающемуся от посетителей пабу, несколько соседей поднимают бокалы, призывая меня присоединиться к ним, спрашивают о детях и Джейке. У всех праздничное, приподнятое настроение. Я чувствую себя отчужденной. Потерянной. В этом фишка жизни в маленькой деревне – ты знаешь всех. Иногда это меня успокаивает, но порой вызывает неудобство. Я вежливо отклоняю дружественные приглашения и продолжаю искать уединенное место. Меня со всех сторон окружает субботняя атмосфера, но я ощущаю лишь потрясение, стресс, отчуждение.

Ты думаешь, что знаешь человека.

Что это значит для нашей компании? Нашей семьи. Для друзей, которые нам как семья. Какой фарс. Очевидно, мы больше не друзья. Я пыталась на какое-то время спрятаться от фактов в надежде, что случилось недопонимание, что есть объяснение, но это ничем нельзя объяснить.

Я сказала Джейку, что скоро буду. Мне стоит написать ему, что я задержусь. Я тянусь за своим телефоном и понимаю, что, торопясь выбраться из дома, я не взяла его с собой. Джейк будет гадать, где я. Мне все равно. Я залпом выпиваю вино. Кислый напиток обжигает мне горло, принося одновременно шок и облегчение. Затем я иду к барной стойке, чтобы заказать второй бокал.

Местный паб находится всего в десяти минутах ходьбы от нашего дома, но к тому времени, когда я пытаюсь пойти обратно, воздействие красного вина уже ощутимо. К несчастью, опьянение разжигает во мне паранойю и ярость, а не поднимает настроение. Как это исправить? Мне нужно что-то сделать. Я не могу вести себя как обычно, притворяться, что я ничего не знаю. Не так ли?

Подходя к дому, я вижу Джейка, выглядывающего в окно. Я едва узнаю его. Он выглядит напряженным. Заметив меня, он спешит распахнуть входную дверь.

– Лекси, Лекси, заходи быстро, – тихо шипит он, явно взволнованный. – Где ты была? Почему ты не взяла с собой телефон? Я тебе звонил. Мне нужно было с тобой поговорить.

Что еще? Я первым делом думаю о нашем сыне.

– Что-то с Логаном? Он поранился? – встревоженно спрашиваю я. Я и так балансирую на грани; мои мысли быстро мрачнеют. Разбитые черепа, сломанные кости. Рвануть в неотложку для нас было бы не в новинку – у тринадцатилетнего Логана есть задатки сорвиголовы и мышление, при котором съехать по водосточной трубе из окна спальни, чтобы поиграть в футбол, кажется здравым решением. Моя пятнадцатилетняя дочь, Эмили, редко доставляет мне хотя бы минутное беспокойство.

– Нет, нет, он в порядке. Дети у себя в комнатах. Это... Слушай, зайди внутрь, я не могу рассказать тебе здесь, – Джейк практически подпрыгивает. Я не могу понять, о чем он. Мое сознание слишком замутило вином и заполнено яростью и отвращением. Я презираю Джейка за то, что он добавляет драмы, хотя он понятия не имеет, с каким дерьмом мне приходится справляться. Если бы я к нему прикоснулась, меня бы ударило током – он излучает опасную энергию.

Я следую за моим мужем в дом. Он спешит, подгоняет меня. Я намеренно замедляюсь, будто бы не замечая этого. В коридоре он поворачивается ко мне, делает глубокий вдох, пробегает руками по волосам, но не смотрит, не может посмотреть мне в глаза. На мгновение мне в голову приходит безумная мысль, что он собирается признаться в измене.

– Ладно, просто скажи мне, ты покупала лотерейный билет на этой неделе? – спрашивает он.

– Да, – я покупала лотерейный билет каждую неделю своей жизни последние пятнадцать лет. Несмотря на все проблемы прошлой недели, я не изменила своей привычке.

Джейк еще раз глубоко вдыхает, втягивая весь кислород в коридоре.

– Хорошо. И ты... – он замолкает, наконец-то заглядывая мне в глаза. Я не уверена, что вижу в его взгляде: почти болезненное вожделение, страх и панику. И в то же время там есть надежда. – Ты выбрала те же номера?

– Да.

– Билет еще у тебя? – его челюсть все еще напряжена.

– Да.

– Ты уверена?

– Да, он прикреплен к доске для записок на кухне. А что? Что происходит?

– Черт, – Джейк выдыхает с ураганной силой. Он на секунду прислоняется к стене, а затем оживает, хватая меня за руку и тащит в комнату, которая была сделана под столовую, но стала чем-то вроде кабинета-кладовки. Местом, где дети иногда делают домашнее задание, я принимаюсь за оплату коммунальных платежей, и где прячутся груды неглаженной одежды, спущенные мячи и старые кроссовки. Джейк садится за компьютер и начинает быстро открывать разные вкладки.

– Я даже не был уверен, что у нас есть билет, но, когда ты не вернулась вовремя, а я досмотрел фильм, я не мог устоять и проверил. Не знаю, почему. Наверное, привычка. И смотри.

– Что? – я не совсем понимаю, о чем он говорит – может быть, это из-за вина. А может быть потому, что мои мысли все еще заняты предательством и обманом, но мне в любом случае не удастся разделить его настроение. Я поворачиваюсь к экрану. Сайт лотереи. Безвкусный и кричащий. Мешанина ярких цветов и шрифтов.

1, 8, 20, 29, 49, 58. Номера бросаются мне в глаза. Номера, которые я так хорошо знаю. И все же они кажутся странными и невероятными.

– Я не понимаю. Это шутка?

– Нет, Лекси. Нет! Это правда. Мы всего-то выиграли в чертову лотерею!

2

Лекси

17,8 миллионов фунтов.

17,8 миллионов фунтов.

17,8 миллионов фунтов.

Сколько бы я ни повторяла, мне не удастся осознать. На самом деле, происходит обратное. Чем больше я повторяю, тем менее правдивым это кажется. Я не могу даже представить,

что это значит. По-настоящему. Наши номера на экране. Они все еще там, я проверила тысячу раз, просто на всякий случай, но они *там*. И другие числа тоже. Числа, показывающие сумму выигрыша нашего билета – 17 870 896 фунтов. Так много денег! Я спешу на кухню и срываю билет с доски, внезапно испугавшись, что неожиданный порыв ветра мог его унести или что кто-то из наших детей сбил его, прикрепляя свои письма из школы. Хотя это не имеет смысла, потому что за всю жизнь нашей семьи никто из детей этого не делал (я с большей вероятностью могу найти их скомканными на дне детских рюкзаков). Я тарашусь на крохотную дырку, оставленную кнопкой. Уголок билета немного помят. Как этот кусок бумаги может стоить 17,8 миллионов фунтов? В это невозможно поверить. Это невозможно осознать. Что это значит для нас? Я поворачиваюсь к Джейку, пытаюсь выяснить, понимает ли он. Джейк улыбается мне.

Это самая широкая, самая довольная улыбка, которую я видела у него за многие годы. Мне вспоминаются первые дни наших отношений. Мы были полны надежды и счастья. Это заставляет меня прыснуть от смеха.

– Ты уверен, что все правильно?

– Абсолютно. Я проверил. Я посмотрел розыгрыш на YouTube шесть раз. Они объявили, что есть победитель. Только один. Лекси, это мы! Мы богаты. Богаты настолько, что нам и не снилось.

Я снова хихикаю, потому что это безумная фраза. Люди говорят «богаты настолько, что нам и не снилось» только в довольно ужасных пьесах или фильмах. Покалывание охватывает все мое тело. Я чувствую каждое нервное окончание. Это почти болезненно.

– Вау. Просто *вау*. Что нам делать? – спрашиваю я.

– Ну, нам нужно сообщить об этом.

– Как это сделать? – мои пальцы холодны, неподвижны, но, с другой стороны, я чувствую себя разгоряченно и нетвердо. Я таю. Два бокала вина, которые я выпила, ощущаются как шесть. Это все шок, вероятно.

– Я не знаю. Это должно быть на сайте или вроде того, – Джейк начинает метаться курсором по экрану, нажимать кнопки. Я не могу в это поверить. Не осмеливаюсь. Это не может быть правдой. Это слишком большое везение. Это слишком прекрасно. Я дрожу так, что Джейк, возможно, может услышать стучание моих зубов. Я замечаю, что у него тоже дрожат руки. – Вот оно. Линия для победителей Национальной лотереи. Нам нужно им позвонить, – Джейк замирает, уставившись на меня. У него лихорадочно блестят глаза, но он сосредоточен. Он берет домашний телефон и нажимает на кнопки, набирая номер с экрана. Мы почти никогда не используем домашнюю линию, но повод серьезный, и почему-то пыльный, забытый телефон на столе кажется более внушительным, чем мобильный.

– Мне кажется, мы выиграли в лотерею. Всю сумму. Джекпот.

Человек на другом конце, должно быть, спрашивает, купил ли он билет, потому что он выглядит растерянным и немного раздраженным, отвечая:

– Нет. Моя жена его купила. Ну да, она за него заплатила... Да, да, она сейчас со мной, – он протягивает мне трубку. – Они хотят поговорить с тобой.

Я как-то умудряюсь, запинаясь, ответить на контрольные вопросы, чтобы подтвердить, где и когда я купила билет. Наверное, некоторые люди могут найти или украсть выигрышные билеты. Лотерейной компании нужно удостовериться, что свой я честно купила.

– Напишите, пожалуйста, свое имя и адрес на обратной стороне билета, если вы еще этого не сделали, – советует мне женщина на другом конце линии. Она звучит спокойно и взвешенно, что кажется мне успокаивающим, но странным. Я задумываюсь, сколько раз эта женщина общалась с победителями, с людьми, чьи жизни никогда не будут прежними после этого звонка. Я думаю, каково это – быть ей. Я с трудом остаюсь собой. Я чувствую себя так, будто нахожусь вне своего тела. Я не могу сконцентрироваться или здраво мыслить, когда она произносит:

– Что ж, поздравляю, миссис Гринвуд. Вы действительно выиграли!

– Все? – я просто не могу в это поверить.

– Да, миссис Гринвуд. Все – 17 870 896 фунтов стерлингов, – огромное число с легкостью слетает с ее языка. Я начинаю смеяться. Это невозможно. Раньше я думала, что это худшая ночь в моей жизни, но теперь она полностью перевернулась. О чем я говорю? Моя жизнь перевернулась!

– Миссис Гринвуд, сейчас наши сотрудники объяснят вам процедуру, и, чтобы мы сделали все как можно более эффективно, нам нужно знать, будете ли вы предавать выигрыш огласке?

– Нет, не думаю, – я полагаю, лотерейной компании нравится предавать такое огласке. История об удаче, напечатанная в газетах, наверняка поднимает продажи билетов, но я инстинктивно хочу оставить случившееся при себе.

– Вам не обязательно решать прямо сейчас, – говорит она спокойно. – Один из наших сотрудников, консультирующих победителей, скоро с вами свяжется. Вам отправят письмо на почту или позвонят, а затем назначат встречу. Скорее всего, в следующий вторник. Обычно это происходит раньше, но, так как этот понедельник выпадает на праздники, вторник будет для вас удобнее.

– Да, да, как скажете, – я не хочу доставлять никаких неудобств, заставлять кого-то работать в банковский выходной.

– Вы можете обсудить вопрос освещения в прессе с консультантом, и он расскажет вам обо всем последующем.

Джейк отбирает у меня телефон:

– Он принесет с собой чек?

Даже на расстоянии я слышу, что женщину это позабавило.

– Нет, сначала нужно оформить совсем немного документов. Реквизиты счета и тому подобное.

– Когда мы получим деньги?

Я хмурюсь, глядя на Джейка. Он ведет себя грубо. Я не вполне понимаю, как должна выглядеть элегантная реакция при выигрыше почти восемнадцати миллионов фунтов, но сомневаюсь, что нужно требовать деньги, как грабитель.

– Наш консультант свяжется с вами, но, если проблем не возникнет – а я уверена, что так и будет, – вы, скорее всего, получите деньги на счет к среде. Самое позднее – к четвергу.

– К этой среде? – спрашивает Джейк, просяив.

– Да.

Когда телефонный разговор заканчивается, мы просто изумленно глазами друг на друга.

Затем, после безмолвного общения, налаженного за двадцать лет брака, набрасываемся друг на друга и целуемся так, как не целовались с первой недели отношений. Нетерпеливо и радостно, благодарно и страстно. Отбросив все другие мысли и просто оставаясь в моменте, мы занимаемся быстрым, пылким сексом на столе. В последние десять лет – может, дольше, – мы ограничивались спальней. Восторженность и необычность этого жадного, победного секса приводит к его быстрому завершению. Я натягиваю свои треники и немного пристыженно смеюсь:

– Вот теперь ты правда сорвал джекпот.

Джейк прижимает меня к себе и говорит, щекоча дыханием мою шею:

– На самом деле, технически, это *ты* сорвала джекпот. Ты купила билет. Это твоя победа. Поэтому они хотели поговорить с тобой.

– Что мое – твое, не так ли? – смеюсь я. У нас всегда так было. Столь долгое время. Мы команда. Муж и жена. Твой муж – это твой союзник, верно? Я качаю головой, когда в ней

всплывает омрачающая мысль. Это нужно обсудить. – Джейк, что насчет Хиткотов и Пирсонов?

Джейк мгновенно отстраняется от меня, сконцентрировавшись на надевании своих трусов и штанов, избегая моего взгляда.

– А что насчет них?

– Я сегодня была у Дженнифер и Фреда. Это туда я ходила.

– А, значит, ты не отвозила книгу Диане Ропер, как сказала.

– Нет, – в обычных обстоятельствах мне было бы немного стыдно, что я соврала ему насчет такой мелочи, но на фоне всего происходящего я этого не замечаю. Я не хотела говорить ему, что проверяла слова Дженнифер о том, что они уезжают на выходные к сестре Фреда. Я думала, он может попытаться меня остановить. Я думала, он будет подшучивать надо мной, убедит, что я себя накручиваю на пустом месте.

Хотя он был бы неправ.

– Они не уехали. Хотя говорили, что собирались, – сообщаю я ему.

– Понятно.

– Я проехала мимо их дома. Что, по-твоему, происходит? Почему они нам соврали?

– Понятия не имею.

– Тебе все равно, что они нам соврали?

– Совсем нет, – резко говорит он. Его тон выдает, что ему очень даже не все равно. Я не свожу с него глаз, но его голова опущена. Он, должно быть, чувствует мой взгляд, потому что в конце концов выпрямляется и смотрит мне в глаза. Быстро и прерывисто дыша, он говорит:

– Мы только что выиграли в лотерею, Лекси.

– Но что с Хиткотами, с Пирсонами?

Его лицо приобретает самодовольное, торжествующее выражение, но что-то в движении его губ выдает, что это напускное. Он обеспокоен? Он притягивает меня к себе.

– Послушай, это карма за то, как они вели себя на прошлой неделе.

– Только Патрик переступил черту.

– Другие встали на его сторону. Это было унижительно. Они нам не нужны, – шепчет он.

Я опускаю голову ему на грудь, вдыхая его запах.

– Ты уверен? – спрашиваю я. Мне хочется ему поверить.

– Теперь они нам не нужны, Лекси. У нас есть все.

Я пытаюсь прислушаться к его словам. Я хочу чувствовать себя защищенно, уверенно. Я всегда думала, что богатство придало бы мне ощущения неуязвимости, но, честно говоря, у меня есть опасения. Я утыкаюсь носом в его шею. Он всегда был моим оплотом, и я хочу почувствовать себя бесстрашной и непоколебимой.

– Нам нужно подумать, как мы им скажем.

– Я куплю Ferragì и прокачусь мимо их домов, – говорит Джейк. – Пошли они, Лекси, мы богаты!

Я начинаю хихикать, потому что это действительно чудесно.

– Богаты настолько, что нам и не снилось, – цитирую я его слова. Затем я целую его, своего красивого мужа, и крепко обнимаю, выбрасывая из головы все мысли о наших бывших друзьях, которых я считала лучшими людьми на планете – но теперь поняла, что едва их знаю.

3

Лекси

Суббота, 21-е апреля

Я просыпаюсь, мое сердце бьется так часто и сильно, что я его слышу. Да, конечно, это от адrenalина и возбуждения, но также от довольно твердой убежденности, что кто-то выпрыгнет

передо мной и скажет: «Просто шутка!» Я не могу поверить, что мы выиграли в лотерею. Я не осознаю то богатство, которое теперь, по всей видимости, *наше*. Это безумие! Словно для того чтобы подтвердить чудо, сквозь окна льется солнечный свет. Невероятно чудесная погода. Я не помню, чтобы раньше было тепло в пасхальное воскресенье – клянусь, один раз даже выпал снег! Как в нашей жизни произошло такое чудо?

Мы едва спали. Как мы могли? Мы лежали рядом, держась за руки, и шептали друг другу, как это может стать реальностью. Что это значит. Что нам делать дальше. Мы планировали до поздней ночи – точнее, до раннего утра. Иллюзорность происходящего подкреплялась тем, что мы просыпались и засыпали, прижимались друг к другу и разъединялись. Цеплялись друг за друга, сплетались по-новому, лихорадочно. Я все еще не уверена, что реально, а что – сон. *Мечта*. всю ночь Джейк шептал мне на ухо. Он сказал, что любит меня. Что теперь все будет идеально. Что нам не о чем беспокоиться. Что мы никогда больше не будем ни о чем беспокоиться. Он повторял это снова и снова, как гипнотизер. И я хочу ему поверить. Я хочу этого превыше всего.

В семь утра мы встаем и идем вниз делать кофе. Джейк какое-то время возится со старой кофеваркой, на которую он редко обращает внимание. На самом деле, я даже не помню, когда мы в последний раз ей пользовались, а молотый кофе уже давно превысил срок реализации. И все же я понимаю – аромат разносится по кухне, объявляя, что настало время себя баловать. Одних только хлопьев сегодня утром будет мало. Мы будем есть французские тосты. Я разбиваю несколько яиц в неглубокую плоскую миску, напевая себе под нос. Бабочки восторга порхают по всему моему телу, когда я вспоминаю разгоряченный шепот Джейка в темноте, сочащийся соблазнительными возможностями. Как нам повезло. Мне.

– Вау, Лекси, ты можешь в это поверить? – в очередной раз спрашивает Джейк.

– Нет, не очень.

– Я стал другим человеком!

– Неужели? Это как? – мягко спрашиваю я.

– Ладно, я тот же человек, которого ты знаешь, но лучше. Богаче. Точно богаче, – он смеется. – Не могу дождаться, когда дети встанут. Может, нам их разбудить? Это же похоже на сильно преувеличенное рождественское утро, не так ли?

Последние несколько лет мы вставали раньше детей в рождественское утро. Я в этом вижу преимущество – это дает мне время послушать радио, приготовить брюссельскую капусту. Для меня Рождество – это еда, семейное время и, в идеале, немного размышлений. Джейка раздражает подростковая тяга детей залеживаться подольше, потому что ему всегда не терпится, чтобы они открыли подарки. Ему нравится их баловать и видеть, как их лица сияют, когда они обнаруживают, что он все же купил их последний предмет мечтаний, который мы едва можем себе позволить. Для него Рождество полностью посвящено дарению и получению подарков.

– Я об этом думала. Может, нам не стоит сразу им говорить, – осторожно предлагаю я.

– Что?

– Давай подождем, пока мы будем уверены.

– Мы уверены.

– Но это осложняет дело, не так ли? Потому что Эмили встречается с Ридли, а ее лучшая подруга – Меган. Она не сможет держать рот на замке. Я думала, мы согласились, что чем дольше мы сможем утаивать это от Хиткотов и Пирсонов, тем лучше.

– Как ты собираешься спрятать семнадцать и восемь миллионов фунтов, Лекси?

– Я не пытаюсь их спрятать.

– Нам придется сказать нашим родственникам.

– Конечно.

– Они будут ждать части выигрыша. Ну, может, не *ждать*, но точно *понадеются* на это, что вполне логично. Сколько нужно будет им отдать? – Он похож на восторженного ребенка. Я знаю, ему не терпится начать распоряжаться нашей кучей денег.

Я слегка качаю головой, пытаюсь прояснить мысли. Невозможно здраво рассуждать после всего, что я вчера узнала, после бессонной ночи. Я столько всего потеряла, столько выиграла. Их предательство, его любовь. Моя голова и сердце разрываются.

– Я просто думаю, что нам нужно подождать, пока деньги будут у нас на счету. Просто на всякий случай.

– Я не знаю, как мы можем скрывать это от детей, – Джейк удивленно смотрит на меня. – Они заметят, что что-то случилось. Это по-настоящему, Лекси. Это правда, – Джейк так широко улыбается, что его лицо, кажется, разорвется.

– Но это большая ответственность. Это навсегда изменит нашу жизнь. Нам нужно обдумать, что мы им скажем, дать им советы, как к этому привыкнуть, – настаиваю я.

– Привыкнуть к чему? – спрашивает Логан.

Я подпрыгиваю. Откуда он взялся? Я хочу пнуть себя за то, что мой восторг сделал меня неосторожной. Я знаю и обычно помню, что кое-кто из наших детей всегда где-то поблизости, особенно если они учуяли еду.

– Мы выиграли в лотерею! – вопит Джейк.

– Чего? – скептически спрашивает Логан.

– Семнадцать и восемь миллионов фунтов. Мы хреновы миллионеры, мальчик мой!

– Джейк!

– Извини, я случайно ругнулся.

На самом деле, я больше корила его за отсутствие сдержанности и осторожности, чем за нецензурную лексику.

– Серьезно? – спрашивает Логан. Он смотрит на меня, потому что, скорее всего, думает, что отец его разыгрывает. – Мы миллионеры?

– Мультимиллионеры, – подтверждаю я, пожимая плечами и улыбаясь. – Вероятнее всего. Наши номера совпали, и мы звонили, чтобы подтвердить это, но я... – мои слова заглушает вопль Логана, похожий на свиной визг. Он прыгает на месте, бежит к своему отцу и бросается на него так, что их тела яростно врезаются друг в друга. Это что-то между объятием и нападением. Он не знает, как себя сдерживать. Его буквально переполняют эмоции. Он чуть ли не искрится. Это поразительно.

– Что происходит? – теперь на кухне появляется Эмили.

– Мы выиграли в лотерею, – объявляет Логан. – Мы миллионеры. Мы выиграли семнадцать и восемь миллионов фунтов!

– Ага, конечно, – цинично говорит Эмили. Она сонно тянется за хлопьями.

– Это правда, принцесса, – говорит Джейк, поднимая ее и кружа, как в те времена, когда она была намного младше и менее застенчивой.

– Честно? – спрашивает Эмили, глядя с осторожностью и недоверием.

– Да, – подтверждаю я с улыбкой.

Эмили разражается слезами, и мы все бросаемся друг к другу, сливаясь в одну огромную массу из объятий, визгов и слез счастья.

Мы спасены.

4

Эмили

Вторник, 23-е апреля

– Эмили, вставай. У тебя не сработал будильник. Ты проспала, – мама колотит в дверь моей спальни, а затем открывает ее и влетает внутрь, держа только что выглаженную школьную рубашку. Выходных будто и не было. – Ну же, солнышко, ты опоздаешь на автобус, – подгоняет она.

– Мне нужно идти?

– Ты заболела?

– Нет.

– Тогда, конечно, тебе нужно идти, – мама выглядит растерянной.

– Но мы выиграли в лотерею, – напоминаю я ей.

– Эмили, ты меня удивляешь. Давай, иди в душ. Собирайся.

Она поспешно выходит из моей комнаты, и я слышу почти такой же разговор между ней и Логаном.

– В чем смысл быть миллионером, если мне нужно ходить в школу? – бормочет он.

– Хороший аргумент, – кричит папа из родительской спальни. Я улыбаюсь про себя. Папа всегда на нашей стороне.

– Ну же, народ. Я серьезно. Вылезайте из кроватей, – настаивает мама. Я остаюсь на месте, думая о том, каково сегодня будет в школе. Каникулы в этом году все равно дурацкие. Кто возвращается в школу сразу после Пасхи? Кто вообще возвращается в школу, если он стал миллионером? Мама с папой сказали, что мы не можем никому рассказывать о лотерее, что будет так странно, потому что – с чего бы им не хотеть рассказать об этом всему миру?! Мы богаты. Типа, супер-пупер богаты! Мама говорит, мне просто нужно выбросить это из головы. Ну да! Как я смогу скрыть это от Ридли и Меган? Мы выиграли в лотерею! Стали МУЛЬТИМИЛЛИОНЕРАМИ! Мама иногда делает такую штуку, вроде как читает мои мысли – как раз это и случается, и она снова вламывается в мою комнату. Она неловко колеблется у двери.

– Я знаю, тебе будет сложно утаить это от Ридли и Меган.

– Ага, преуменьшение года. Почему я должна это делать?

– Потому что есть очень большая вероятность, что их родители очень плохо это воспримут. Мы все играли в лотерею до прошлой недели.

– Ага, но они сказали, что это отстой.

– Полагаю, теперь они посчитают по-другому.

– Разве мы не можем просто дать им денег?

Мама не отвечает мне. Она будто разрывается. У мамы есть моральные принципы, и она всегда придает им большое значение. Если, например, мы едем в Лондон на шоу в Вест-Энде, и она видит бездомного, что случается всегда, она настаивает, чтобы мы отдали ему такую же сумму, какую заплатили за билет. Папа говорит, что это пустая трата, и что они просто пропьют их или купят наркотики. Но он говорит так в то время, когда мы сидим в баре и он попивает красное вино, поэтому мама в качестве контраргумента всегда смотрит на его бокал.

– Мы не можем никому говорить, пока все не выяснится, и мы с папой не встретимся с лотерейной компанией. Серьезно, так будет лучше для тебя, Ридли и Меган – для всех.

Она говорит это примерно в миллионный раз, чтобы показать, что это *очень серьезно*. Как будто есть какие-то сомнения. Мама всегда ко всему относится *очень серьезно* – по всей видимости, даже когда выигрывает в лотерею. Это слегка убивает веселье.

То есть я понимаю, что Хиткоты и Пирсоны будут раздавлены. Можете себе представить, что вы ушли из лотерейного синдиката за неделю до того, как выпали ваши номера?! Огромный провал! Но Ридли и я с этим справимся. Я знаю, нам всего по пятнадцать лет, но у нас очень серьезные отношения. Он мой Единственный. Мы родственные души. Но Меган? Я почти уверена, она умрет. Взорвется от зависти. То есть я ее люблю, она любит меня, но мы –

пятнадцатилетние лучшие подруги, так что она также иногда меня ненавидит, а я – ее. Мама, наверное, права, с этим дерьмом будет сложно.

Я слышу, как хлопает дверь ванной. Нет! Логан добрался туда первым. Он проведет там вечность, и после него будет ужасно вонять. Я накидываю халат и тащусь вниз, потому что мама ни за что не разрешит мне прогулять школу, даже если мы выиграли в лотерею. Она ценит образование превыше всего. Думает, что это самая большая движущая сила и все такое. Лично я считаю, что она, может быть, *переоценивает* образование. Ну, то есть, очевидно, что выигрыш в лотерею – это тоже большая движущая сила, разве нет?

Заливая хлопья, я проглядываю списки, которые мы составили вчера. На кухне всегда валяется блокнот, куда мама записывает всякие напоминания, что нужно купить. Еще мы записываем туда счет с наших семейных игровых вечеров, когда мы режемся в «Монополию» или в карты, а иногда родители оставляют там записки мне и Логану, если собираются поздно вернуться домой. Про то, что есть из еды и как долго ее греть, как будто сообщения еще не изобрели. Вчера мы записали в этом простом маленьком блокноте наши мечты, и я улыбаюсь, пролистывая страницы.

На одной написано: «красный лук, кубики для подливки, отбеливатель». На другой: «Папа – Ferrari, Эмили – каникулы в Нью-Йорке, Логан – бассейн (плюс дом)», – поправку он дописал после того, как ему сказали, что у нас в саду нет места вырыть бассейн, – «мама – новый диван». Не думаю, что мама поняла эту игру. Папа сказал, он купит нам все, что мы захотим, все, что угодно, и это лучшее, что она смогла придумать. Когда мы все посмеялись над мамой и сказали ей придумать что-то получше, она немного раздраженно сказала: «Ну, наш диван весьма просиженный, так что нам действительно нужен новый». Умора.

Папа пообещал, что бронирует поездку в Нью-Йорк завтра или послезавтра. Он бы сделал это еще вчера, но сказал, что размах, с которым мы захотим туда отправиться, исчерпает все лимиты его кредиток, а лотерейные деньги еще не на родительском счету. Мы полетим первым классом. Ясно дело, никто из нас никогда раньше этого не делал, но папа говорит, что теперь мы будем путешествовать только так. Мы нашли несколько потрясающих отелей, даже не знали, с чего начать. Мы вбили в поиске «лучшие пятизвездочные отели в Нью-Йорке». Мы не могли решить. Они все были за пределами. Непохожими ни на одно место, в котором мы останавливались раньше. Ну, мы обычно не живем в отелях, когда путешествуем. У маминой подруги с работы есть квартира на юге Испании, поэтому обычно мы ездим туда. Она дает нам десятипроцентную скидку от цены на сайте аренды. Мы жили в маленькой гостинице, когда ездили на городской отдых в Эдинбург. Было неплохо: пушистые полотенца, большой телевизор в комнате, но эти люксовые отели, которые мы смотрели в Нью-Йорке, это вообще что-то невероятное! Во всех них есть спа, бассейны на крыше, клубные лаунжи и потрясающие рестораны в прохладных подвалах. Они такие стильные, что мне не верилось. Мы не знали, какой выбрать, и просто переходили с сайта на сайт. Нас это все немного ошеломило.

В итоге мы выбрали Ritz-Carlton, потому что все мы слышали о нем и знаем, что он вычурный. Мама с папой без конца пели какую-то безумную старую песню про “Puttin’ on the Ritz”¹. Хотя они, по-моему, не очень хорошо знали слова, потому что пели только одну эту строчку и, когда она иссякала, просто выли от смеха, потому что это был уникальный, неповторимый, замечательный день, когда всем нам это казалось смешным! Может быть – и я *очень* хочу в это верить, – может быть, мы больше никогда не будем злиться или раздражаться. Никогда – всерьез.

Отель находится прямо возле Центрального парка. Я всегда хотела попасть туда после того, как посмотрела мамин старый любимый сериал «Друзья». Ritz-Carlton – это самое элитное, шикарное место, которое только можно представить. Папа сказал, что у нас с Логаном

---

¹ Букв. пер. – «Одеться в Ритц», что означает – одеться богато. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

будут отдельные комнаты, нам не нужно даже делиться. Мама с папой возьмут съют, чтобы нам было где расслабиться после дня шоппинга на Пятой авеню, которая появляется буквально в каждом девчачьем фильме. Я правда не могу дождаться!

Вчера действительно был самый идеальный день в моей жизни. Папе быстро наскучило сидеть и думать о том, как мы потратим деньги, ему хотелось выбраться из дома и на самом деле их потратить. Мама еще раз позвонила в лотерейную компанию и, когда они точно, однозначно, дважды, трижды подтвердили, что мы выиграли, она сказала, что мы можем поехать на поезде в Лондон и пойти в большой Topshop на Оксфорд-стрит.

Знаете, она все равно купила билет по семейной скидке. Папа подшутил над ней из-за этого.

– Нет смысла тратить деньги зря, – сухо ответила она.

В Topshop я просто разошлась. Папа сказал, что я могу купить там что захочу. Все что угодно.

– Мы можем себе позволить вообще все, – посмеялся он. Я примерила чуть ли не тысячу разных вещей. Мы сообщили консультанту, что выиграли в лотерею. Когда мы убедили ее, что не шутим, она сказала, что я могу брать с собой в примерочную сколько угодно вещей, хотя стандартный лимит – восемь. Я даже не помню, что купила в итоге. Кучу спортивной одежды от Ivy Park, очень миленькую маленькую квадратную сумочку, серьги, кепку с леопардовым принтом, несколько сарафанов, шорт, ворох футболок. Я сбилась со счета. Скорее всего, больше двадцати. Может, тридцать. Я не совсем понимаю, куда буду все это носить, но, полагаю, мы теперь будем ходить по более изысканным заведениям, так что у меня будет возможность нарядиться. Логан сделал то же самое в Торман. Он купил одну и ту же футболку в четырех разных цветах, потому что не мог решить, какая ему нравится больше.

Я доедаю свои хлопья, ополаскиваю миску, а затем беру свою чашку чая и плетусь обрано по лестнице. У себя в комнате я раскладываю на полу и на кровати все вчерашние покупки. Поверить не могу, что мне придется надеть мою скучную школьную форму.

В дверь стучат. Я ожидаю, что это мама пришла сказать, что мне пора принимать душ и бежать на автобус, но это не мама с поучениями, а улыбающийся папа. Логан слоняется в коридоре, все еще мокрый после душа и обмотанный полотенцем ниже пояса. Он тоже явно не спешит.

– Привет, принцесса.

– Приветик, пап, – улыбаюсь я. – Просто опять смотрю на свои вещи. Все еще не могу поверить. А ты?

– Тоже нет, – он улыбается и потирает волосы рукой, как делает, когда действительно доволен жизнью. Логан наносит удары по воздуху – он занимался этим почти непрерывно с того момента, как родители сообщили нам новости.

– Слушай, – говорит папа, нерешительно вздохнув, – мама хочет, чтобы я тебе напомнил держать произошедшее при себе – по крайней мере, пока.

– Знаю, знаю. Она говорила.

– Она просто переживает, как отреагируют люди.

– Почему? – спрашивает Логан.

– О, ну, знаешь, люди могут завидовать или просто повести себя странно.

– В каком смысле странно?

Папа не отвечает прямо, он говорит:

– Она беспокоится о безопасности.

– Безопасности? – Логан, похоже, готов взорваться от восторга. – Типа, на случай, если кто-то нас похитит?

– Никто ничего не говорил о похищении, – спокойно отвечает папа.

– А что тогда? – Логан выглядит подавленным оттого, что его новообретенное богатство не подвергнет его непосредственной опасности.

– Наша консультант сказала, что она хочет поговорить с нами о том, как справляться с письмами от попрошайек. И все такое. Возможно, когда новости разнесутся, люди могут просто объявиться и попросить денег.

– Ну, у нас их достаточно, так что, может быть, мы можем просто дать им немного, если им нужно, – предлагает мой брат, демонстрируя свою наивность.

Папа достаточно добрый, чтобы не озвучить это, и просто спрашивает:

– Ага, но в таком случае – когда это прекратится? Мы жертвуем на благотворительность, обязательно. Нам просто нужно это продумать.

– Но я дождаться не могу, когда мы сможем всем рассказать, – добавляю я с улыбкой, думая о выражении лиц Ридли и Меган.

Я. Просто. Не. Могу. Дождаться.

5

Тома

Среда, 6-е февраля

– Хотите чаю? Я собираюсь ставить чайник.

Он не ответил. Связно. Его кости болели. Он так промок и замерз, что часто, просыпаясь, тратил по несколько мгновений на то, чтобы понять, где он. Кто он. Что он.

Бродяга. Вдовец. Иммигрант.

Он уставился на нее – на женщину, задавшую вопрос. Она выглядела доброй, обеспокоенной. Он постиг важность навыка быстро оценивать характер. И все же доверять людям было по-прежнему слишком легко. Иногда они казались добрыми, а затем воровали твою обувь. Но эта женщина не была бездомной. Она была одета в брючный костюм, и ее волосы были собраны в хвост – возможно, она работала в офисе, может, даже в том, возле которого он спал. Он все равно остался удрученным, огорченным, испуганным. Бездомным обычно не нравится, когда их будят. А кому нравится? Сон – это побег от реальности. Лучшее, чего могут ожидать разбуженные бездомные – что их прогонят. Худшее? Что на них плюнут, ограбят, побьют. Поэтому он уставился на нее, как раненое животное – дикое, но бессильное.

Она помахала перед ним связкой ключей и кивнула на дверь, которую он загораживал, поэтому он отполз в сторону, чтобы она могла ее открыть. Сделав это, она шагнула мимо него через порог. Это было простое действие, но оно его уязвило. Он завидовал тому, что у нее была работа, было куда идти. Вывеска гласила «Бюро консультирования граждан». Место, созданное для помощи, но для помощи ли таким, как он? Он не знал.

Несомненно, существовал протокол, и, естественно, для одинокой женщины было не лучшей идеей приглашать бездомного мужчину в свой офис, поэтому он не удивился, когда она оставила его на улице. Он мог быть опасен. Отчаяние часто заводит в угрожающие и опасные ситуации. Он не считал себя опасным – по крайней мере, для нее, – но не мог быть в этом уверен. Он уже не был уверен, на что способен. Он удивился, когда она вернулась с чашкой чая и пачкой печенья и села на землю рядом с ним. Прошел дождь, поэтому ее штаны и нижнее белье наверняка намокли. Она на самом деле пыталась. Это был хороший поступок. Кто-то мог подумать, что он снисходительный, и оскорбиться. Но не Тома. Ему было больно, и он был полон ненависти, но мужчина, которым он всегда был, не мог злиться на эту женщину за то, что она пыталась быть с ним на одном уровне. Это не ее вина, что его уровень оказался в канаве.

Она передала ему чай с печеньем и призналась:

– Я украла печенье, но, честно, я думаю, калории нужны вам намного больше, чем кому-либо в офисе.

От него дурно пахло – как иначе, если живешь на улице? Подходящее слово – «дурно». Он заметил, что она невольно подернула носом. Она наверняка прилагала большие усилия, чтобы не отодвинуться. Он подумал, достаточно ли она контактировала с бездомными, чтобы определить, сколько времени они прожили на улице? Он теперь мог их оценивать. От тех, кто провел месяцы или даже годы на улице, несло влагой и экскрементами, алкоголем и блевотиной, грязью, проникшей сквозь одежду в их кожу, в их души. Это было почти невыносимо. Не потому, что это был худший запах в мире – ведь от разлагающихся в стенах крыс воняло хуже, смерть воняла хуже, – а потому, что сложно было принять, что запах исходит от другого человека. От такого же человека.

Люди, жившие на улице днями или неделями, а не месяцами, пахли по-другому. Эта вонь тоже была нестерпимой, но пахло всего лишь потом, жирными волосами, может, мочой. Зачастую мочой других людей. Парни, возвращающиеся домой из модных винных баров, иногда писали на бездомных – развлечения ради. Тома это знал. Это случилось с ним.

– Спасибо, – он взял чай и посмотрел ей в глаза. Это было важно. Когда у него еще был дом, жена, ребенок, люди называли его красивым. Он знал, что его большие карие глаза считались умными, даже сексуальными. Он не пытался флиртовать с этой женщиной. Это было бы абсурдно. Это все в прошлом. Эти порывы: желание, надежда, веселье. Теперь он существовал, ничего более. И он существовал, чтобы получить возмездие. Он посмотрел в глаза этой женщине, потому что, возможно, она могла бы помочь – и с большей вероятностью сделала бы это, увидев, что его взгляд не замутнен алкоголем или наркотиками. Она будет его оценивать. Эта милая женщина с мокрой задницей, которая дала ему сладкий чай. Она попыталась бы этого не делать, но это инстинктивно. Ее обнадежило бы, что он смотрит ей в глаза.

– Меня зовут Лекси.

– Тома Альбу, – ответил он. – Мое настоящее имя, – немногие бездомные называют свою фамилию, и даже их имена зачастую выдуманы. Он хотел показать ей, что отличается.

– Так что, вы ждали, пока я откроюсь? – спросила она. Он пожал плечами, не желая выдать себя слишком быстрым согласием. Он боялся просить помощи – вдруг она откажет ему. Вдруг она не сможет помочь. Это его последняя надежда. Он не знал, что еще ему делать, если это не сработает. Возможно, найти высокий мост над глубокой рекой. Почему бы и нет? Зачем ему жить?

– У вас есть планы на сегодня?

Он отрицательно покачал головой. Она оставила его пить чай, вернулась в офис, а затем, спустя пять или десять минут, снова вышла, держа несколько листовок.

– Есть место, где вы можете получить завтрак и принять душ. Это примерно в десяти минутах ходьбы. Вот карта и адрес, хорошо? – она спрашивала, может ли он прочитать листовку. Он кивнул. – Я позвоню им, скажу, что вы идете. Потом возвращайтесь сюда, и мы обсудим несколько вариантов.

Он медленно поднялся на ноги, взял свой грязный, рваный спальный мешок, который был тяжелее обычного, раздувшись от дождя.

– Я знаю: когда я прошу людей в вашем положении вернуться на встречу со мной, вероятность того, что они это сделают – процентов десять или еще меньше, – сказала она.

– Тогда зачем рисковать? Почему не поговорить сейчас?

– Мы откроемся в девять тридцать, и вы сможете лучше сосредоточиться, если что-то съедите. Кроме того, я работала и со случаями похуже. Я втайне азартный игрок, – она улыбнулась. Она ему нравилась. Она шутила с ним, обращалась к нему. Относилась к нему как к человеку.

Тома провел утро в хостеле, который она порекомендовала. Он съел предложенный завтрак и воспользовался возможностью постирать свою одежду. Дождаясь, пока вещи постираются и высохнут, он принял душ, а потом, стоя в одолженном мешковатом спортивном

костюме, который до него наверняка надевало бесчисленное множество мужчин, побрился. Он представил себе, как легко было бы вскрыть бритвой вены. Возможно, завтра он вернется сюда и сделает именно это, если женщина не выслушает его. Если кто-нибудь не выслушает его.

Он вернулся к офису как раз после полудня. Заглянул в стеклянную дверь и увидел, что это довольно маленькое помещение со столами, стоящими практически друг на друге. От него больше не пахло, поэтому он не боялся быть поблизости от других людей – но в офисе не было бы ощущения приватности. Он ждал снаружи, пока она не вышла. Заметив его, она сказала:

– Я могу пропустить обед, если вы хотите войти.

– Вы не должны пропускать обед. Я пройду с вами.

Она снова улыбнулась. Она точно была из тех, кто не скупится на улыбки.

– Что ж, это непривычный поворот в обычном порядке событий.

– Вы имеете в виду, то, что бездомный мужчина волнуется, чтобы офисная работница не пропустила обед, достойно комментария? – внезапно она вызвала у него раздражение. Разве она не понимала, что он когда-то был ответственным, внимательным, заботливым? Разве никто не мог этого себе представить?

– Я имею в виду, что *кто-либо* волнующийся, чтобы я не пропустила обед, – это непривычный поворот в обычном порядке событий, – улыбнулся она. Ему она казалась слишком худой. Он подозревал, что она часто работала в свой обеденный перерыв, поскольку она производила впечатление равнодушной и преданной своему делу. Его раздражение поутихло. Ее начальник не должен этого допускать, ее мужу тоже стоит проследить, чтобы она заботилась о себе. У нее есть муж, она носит кольцо. Он проверил. Он надеялся, что у нее и дети есть. Это помогло бы.

Они пошли в Boots, она купила им по сэндвичу, пакету чипсов и напитку. Они вместе сели на скамейку. На улице было прохладно, но не дождало.

– Где ваши вещи?

– Вещи?

– Сегодня утром у вас был спальный мешок.

– Он развалился во время стирки.

– А.

– Это неважно.

Когда-то у него было много вещей. Больших и маленьких. У него была жизнь, в которой он порой возвращался с работы вовремя, чтобы поцеловать свою жену и сказать ей, что подменит ее. Он осторожно опускал своего сына в ванну, полную пены и игрушек, где мальчик лепетал, купался и играл. Потом Тома аккуратно поднимал Бенке, осторожно и тщательно вытирал его большим полотенцем – между пальцев и за ушами, – одевал ребенка в пижаму со Свинкой Пеппой и бережно клал в кроватку. Рядом стоял ночник, отбрасывавший золотистый свет. На вертящемся абажуре были маленькие узоры: машинки, тракторы и поезда. Тома читал своему сыну разноцветную книгу, которая жила на полке рядом с другими такими же, – до тех пор, пока мальчик не засыпал.

Всего этого больше нет.

Игрушек для ванной, мягкой пижамы, ночника, разноцветных книжек, жены, ребенка. Многих вещей. Всего.

Ему стоило бы припрятать сэндвич на потом. Он позавтракал. Сэндвич ему не нужен. Или, точнее, он может ему сильнее понадобится позже. Жизнь на улице требовала постоянной предусмотрительности и планирования. Но он все равно немного откусил.

– Можете рассказать мне свою историю? – мягко спросила она.

Он откусил еще раз. Он хотел ей рассказать. Должен был, но ненавидел вытягивать из себя слова. Поначалу он не мог поверить, что они мертвы. Месяцами он все ждал, что вернется домой с работы и найдет свою жену у гладильной доски или на кухоньке, а своего сына перед

телевизором. Он бы открывал дверь и тут же видел их обоих, потому что в крохотной квартире было негде спрятаться. Он бы ждал, что они побегут к нему, поцелуют, обнимут его. Это звучало старомодно. Он на работе, она дома. Но она тоже училась, на заочном курсе по бухучету, у нее были амбиции. У нее были планы выйти в свет. Кем-то стать. Что-то сделать. Но Бенке был маленький, а ей сначала нужно было получить квалификацию, поэтому она оставалась дома и прилагала все усилия, чтобы превратить маленькую, захудалую квартиру во что-то приличное. У них было не так много всего. Недостаточно всего. Их жилье, на самом деле, было позорным. Влага на стенах и кроватях, все сломано – замки, краны, шкафчики, окна, – и они не могли согреться. Тома сомневался, что англичанин арендовал бы это помещение. Это все, что они могли себе позволить.

Несколько месяцев он не мог принять того, что они мертвы, и поэтому никогда не подыскивал слов, чтобы признать это вслух. Когда он наконец-то принял, что никогда больше, открыв дверь, не увидит их улыбки или обиженные лица, не услышит их смех или ворчание, он погрузился в глубокую затяжную депрессию. Он существовал в тумане алкоголя и антидепрессантов. Месяцы скользили мимо, как черные скользкие угри. На работе делали предупреждения. Скрепя сердце, его уволили. Кто-то, знавший его историю и сочувствовавший ему, нашел ему другую работу.

Больше таблеток, больше виски. Та же самая скорбь. Во второй раз предупреждения были резче, а увольнение – менее неохотным. Он не мог заплатить за аренду. Уведомление о выселении. Потом была кровать в Юношеской христианской ассоциации. Отсутствие постоянного адреса на заявках о приеме на работу значило, что он не мог получить прибыльное место. Потом, наконец, была еще одна квартира. Хуже, чем их с Ревекой дом, но лучше улицы. Он делил ванную с другими жильцами. Это была помойка. Помещение было жутко переполнено. Люди и споры плесени толкались друг с другом за место для отдыха. Однажды он попытался обсудить с арендодателем необходимость что-то с этим сделать. Так все и закончилось, его выперли без предварительного предупреждения. Все это время люди просили его рассказать свою историю. Он этого не делал. Он не собирался менять жизнь и смерть Ревеки и Бенке на сочувствие. На кровать, на лишнюю копейку. Их имена застревали у него в горле, душили его пять лет подряд.

Женщина тяжело вздохнула и признала:

– Утром я почитала о вас в Интернете.

Он не оскорбился, а почувствовал облегчение. Ей было интересно, она беспокоилась. Она может оказаться нужным ему человеком.

– Если вас зовут Тома Альбу...

– Так и есть.

– ...Тогда вы либо гениальный математик, рожденный в 1943-м, что кажется маловероятным, потому что я дала бы вам лет 35 или чуть больше, или... – она на мгновение прервалась. Он сдержанно кивнул. Боль, которая по мнению людей живет в сердце, пронизывала все его тело. Она пульсировала в его ногах, шее, руках. Везде. – Или вы мужчина, трагически потерявший своих жену и ребенка в 2014-м. Отравление угарным газом из-за сломанного котла.

– Да, это я.

– Мне жаль.

Люди всегда говорили, что им жаль. Это была не их вина. Что еще они могли сказать? Но этого недостаточно.

– Насколько сильно вам жаль? Достаточно жаль, чтобы мне помочь?

– Конечно же, я вам помогу. Есть способы помочь вам встать на ноги. Я представить не могу, через что вы прошли, но знаю, что вы не первый человек, оказавшийся на улице после огромной утраты. Я могу позвонить в Центр помощи по жилищным проблемам. Я видела достаточно случаев и понимаю, как легко людям, живущим вполне обычной жизнью в одну

минуту, получить удар, отнюдь не такой тяжелый, как ваша потеря, и мгновение спустя оказаться бездомными. Я могу найти вам жилье. Я могу помочь вам найти работу.

– Я хочу добиться справедливости.

– Я читала газетные статьи о несчастном случае, судебные записи, – она выглядела расстроенной. – Женщина, управляющая недвижимостью, была привлечена к суду за халатность.

Тома возразил на ее слова «несчастный случай»:

– Их убили.

Лекси, казалось, стало неуютно. Ее расследование сообщило бы ей, что Элейн Уинтердейл выдвинули обвинения в халатности и нескольких нарушениях правил газовой безопасности, но не в непредумышленном, а тем более – не в умышленном убийстве.

– Приговор мог показаться вам несоответствующим, и, раз на то пошло, я тоже так считаю, но, если вы задумаетесь, Тома, даже если бы ее приговорили к лишению свободы, никакой срок не смог бы их вернуть.

– Это не она. Она была просто марионеткой. Мне нужен тот, кто ею управлял. Этот ублюдок, владелец, убил мою красавицу Ревеку и Бенке, но не понес наказания.

– Владельца оправдали. Уинтердейл лгала о проверках и не пересылала ему предупреждения от газовой службы. Он не знал ни о каких нарушениях.

– Нет, – покачал головой Тома. – Я в это не верю. Он улизнул и до сих пор не изменил своих повадок – спустя все эти годы.

Женщина взвесила это. С одной стороны, скорбящие люди бывают предвзятыми и отрицают факты. С другой – ошибки случались.

– К чему вы ведете? – осторожно спросила она.

– Я принял вердикт суда. Я был слишком уставшим, слишком сломленным, чтобы усомниться в нем. Я думал, виновата Уинтердейл. Она сама призналась, что виновата. Но позднее я жил в другом месте. Я узнал, что владельцем является тот же мужчина, и обнаружил, что это он преступник. В законах же четко определяются обязанности арендодателя, не так ли?

– Верно. Частные арендодатели несут ответственность за безопасность жильцов. В Правилах газовой безопасности от 1998-го прописаны обязанности арендодателя следить за исправностью всех газовых приборов, оснащения и дымоходов, предоставляемых жильцам, – очевидно, женщина цитировала этот закон часто. Плохие арендодатели встречались не только в викторианскую эпоху. Она, наверное, цитировала его каждый день.

– Но он этого не делает.

– Мы можем это расследовать, – оживилась она. – Мы можем отправить предупреждения. Поставить датчики угарного газа от Совета, если владелец не выполнит требования. Мы можем предотвратить похожие трагедии в будущем в одном из его владений. Это уже что-то, да?

Тома слушал, как она пытается обелить ситуацию. Пытается все исправить, не раскачав лодку.

– Он все еще сдает трущобы, – настоял Тома. Его акцент стал сильнее, когда его захлестнули эмоции. – С тех пор, как они умерли, я пережил боль, скорбь, потерю, но я справлялся. Не жил, просто существовал. Никогда не женился снова, хотя все говорят, что стоило бы. Остался верным, сохранял концентрацию. Остался здесь. Как я мог вернуться в Молдову к своей сестре и моим кузенам? Я не мог бы оставить моих жену и сына здесь одних. У меня нет выбора, кроме как остаться. Потом я теряю работу, переезжаю в хостел. Оказываюсь на улице. Потом, в прошлом году, кто-то дает мне крышу над головой. Я работаю на стройке за ночлег и еду.

– Без зарплаты?

– Без. Я знаю, что это эксплуатация. Но у меня нет выбора. Мне все равно. Я остаюсь там, где предложат. Это лучше, чем на улице. Но я замечаю, что на этой собственности нарушают закон. Я спрашиваю, кто владелец. Никто не знает его имени, но однажды я не прихожу на работу. Я притворяюсь, что заболел, потому что знаю – это день сбора ежемесячной арендной

платы, и я вижу его, а потом узнаю. Это тот же человек. Мой старый арендодатель. Его один раз вызвали в суд, поэтому я так уверен. Я никогда не забуду его лицо. Потом я начинаю задумываться. Может, он все же знал? Может, ответственность на нем?

– Но зачем Элейн Уинтердейл брать вину на себя?

– Он заплатил ей, – Тома видел, что женщина не купилась на его теорию. Она хотела помочь, но существовал определенный предел.

– Вернитесь со мной в Бюро консультирования граждан. Мы можем разобраться в этом получше.

Он понимал, что происходит. Он был на шаг впереди нее. Она думала, что заманивает его. Она хотела, чтобы он ей доверился, и она смогла бы рассказать ему о схемах возвращения на работу, найти ему жилье получше. Ее сострадания хватало на то, чтобы хотеть помочь Тома встать на ноги. Да, она несомненно отправит предупреждения о датчиках угарного газа этому ублюдку, если сможет его выследить. У нее было развито чувство ответственности, и она хотела бы, по возможности, предотвратить похожие катастрофы. Она хорошо делала свою работу. Он кивнул и встал. Он прошел за ней через парк, обратно по улице в ее офис, уверенный, что это не он на крючке, а она.

Можно было «вытянуть» ее – этот скользкий, сопротивляющийся улов. Но он намеревался сделать ее сторонницей, убедить в правдивости своей теории, а затем воспользоваться ее офисными ресурсами, чтобы собрать сведения об ублюдке, убившем его любимых. Тома добьется правосудия. Или отомстит.

6

Лекси

Четверг, 23-е апреля

Я с нетерпением жду встречи с работниками лотереи. Моя семья считает мою сдержанность странной, но я не железная – конечно же, я радуюсь выигрышу. Безгранично радуюсь. Это, как мы продолжаем повторять себе и другим, потрясающе, фантастически, восхитительно. Эти и все остальные заезженные хвалебные слова. Однако я реалист, и я знаю, что выигрыш такого рода сопровождается разными сложностями и ответственностью. Это не могло случиться в более неподходящее время. Я пытаюсь не думать о Пирсонах и Хиткотах, потому что, когда я это делаю, сияние восторга во мне угасает. Я чувствую холод и горечь в сердце. Мне просто нужно понять процедуру, все уладить и утвердить, а потом мы сможем действительно расслабиться и насладиться нашей до смешного огромной удачей.

На выходных Джейк с детьми составили список вещей, на которые они хотят растратить деньги. Он очень обобщенный. Среди них были машины, дома, одежда, вечеринки, поездки и не только. Я застонала.

– Народ, это небрежный список.

Все втроем непонимающе уставились на меня. Мои дети очень похожи на своего отца: темные вьющиеся волосы, карие глаза. Они все красивые, привлекательные. Выражения лиц у них тоже были одинаковые – восторг. Нет, зачеркните это – ликование.

– По крайней мере, попытайтесь уточнить. Не пишите просто «поездки» – составьте список мест, которые вы всегда хотели посетить.

Путешествия познавательные, верно? Все это знают. Я бы с радостью одобрила путешествия. Мы поехали бы вместе, узнали бы о разных культурах, увидели бы, насколько мир большой, в конце концов.

– «Диснейленд» во Флориде, – завопил Логан. – И остановиться в лучшем отеле. Мы полетим первым классом, да?

– Конечно же, – подтвердил Джейк. – Я всегда хотел повернуть налево при посадке.

– И Мальдивы. Скарлетт Скотт летала на Мальдивы в прошлом году, и фото от туда выглядели потрясающе, – подала голос Эмили. – О боже, нет, забудьте. Нью-Йорк. Давайте поедим на шоппинг в Нью-Йорк! На самом деле – и то и то. Мы можем сделать и то и другое?

Несколько лет назад одна пара ирландцев выиграла невероятно большую сумму в Еврлотерее. Я точно не помню, какую именно. Больше ста миллионов. Они мгновенно объявили, что отдадут большую часть из этого друзьям, семье и на благие нужды. Чудесный подход, достойный восхищения, очень здравый. Мы с Джейком согласились, что выплатим ипотеку его брата и купим моей сестре небольшое жилье. Она так и не смогла обзавестись недвижимостью, потому что живет своего рода скиталицей, поездившей за годы по всему миру. Мы отправим моих родителей в кругосветный круиз. Восхитительный и шикарный. Хотя, если подумать, мой отец ужасно страдает от морской болезни – мы когда-то поплыли в Кале на пароме, и это было так же омерзительно, как фильм Тарантино, – поэтому круиз, наверное, не лучшая идея для них. Может быть, сафари. Или теперь, когда им уже за семьдесят, это немного чересчур? Несколько недель в роскошном гнездышке на юге Франции подошли бы. Меня охватывает сожаление. Если бы только родители Джейка тоже были живы. Мысли врываются в мою голову, но я не могу удержать ни одну дольше, чем на мгновение. Есть другие люди, которым выигрыш помог бы. Существует бесконечное количество достойных благотворительных организаций и людей. Джейк согласился, что нам не нужно все оставлять себе. Мы не должны. Никому не нужно столько денег, но многим людям необходимо хоть сколько-нибудь. Моя профессия ярко это подчеркивает. Я работаю в Бюро консультирования граждан. Моя работа – предоставлять легкодоступные общественные консультации. Я профессионал широкого профиля, что-то вроде хранителя ворот, который зачастую просто делает заметки и выслушивает случайных посетителей. Я оцениваю трудности и направляю людей к специалистам: к адвокату, к доктору, к психологу. Для меня нет слишком большой или слишком маленькой проблемы, я уделяю внимание всем. Мой обычный рабочий день может включать в себя помощь с кредиторами, разрушающими жизни, или помощь с заполнением резюме. Мне никогда не скучно на работе. Я наслаждаюсь тем, что каждый день даже представить себе не могу, кого встречу или кому помогу. В целом мне нравится разнообразие моей работы – и мне точно нравится то, что я могу помочь, но иногда меня угнетает, что слабости и потребности людей настолько многочисленны. Иногда я прихожу с работы изможденная, понимая: скольких бы людей я ни повстречала и ни проконсультировала, я никогда не смогу помочь всем и все решить.

И все же я могу попытаться. День за днем. И теперь я смогу сделать больше.

Я выталкиваю детей за дверь как раз вовремя, чтобы они успели на школьный автобус, хватаю свою сумку и поспешно надеваю рабочие туфли. Оглядываю кухню. На ней, как всегда, беспорядок, но я опаздываю, и у меня нет времени запустить посудомойку, так что это подождет. Потом я замечаю Джейка, сидящего за стойкой в пижаме.

– Почему ты не одет?

– Я не пойду сегодня на работу. Встреча с работниками лотереи в три часа. Так что в этом нет смысла.

– Ну, а я пойду.

– Очевидно. Разве тебе не хочется прогулять хотя бы один день? – он улыбается мне. Своей широкой, очаровательной улыбкой, перед которой я не смогла устоять несметное количество раз. – Мы могли бы снова поехать в Лондон, пообедать в каком-то абсурдно шикарном месте. Может, в Shard? Nobu? У нас куча времени, – уговаривает он.

Мне нужно собраться с силами, чтобы устоять перед соблазном. Я должна указать на ошибку в его логике. Если времени недостаточно для работы, как его может хватить на долгий обед? Но я этого не произношу.

– У меня назначены встречи. Я не могу подвести людей, – просто говорю я.

Я торопливо целую его в губы. Он притягивает меня ближе и продлевает поцелуй. Богатство явно делает его очень похотливым. Я смеюсь и мягко отстраняюсь, направляясь к двери.

– Слушай, я тут подумала, может, консультант посоветует нам сегодня, в какие благотворительные фонды пожертвовать. Знаешь, поможет нам понять, какие действительно пускают деньги в дело, а какие просто тратят целое состояние на рекламу и зарплаты своим директорам.

– Да, хороший план, – вежливо улыбается Джейк.

– Потому что, я размышляла, мы можем выплатить нашу ипотеку, а затем отложить часть денег детям. Скажем, мы оставим два и восемь миллиона, а остальное отдадим.

– Чего? – Джейк издает наигранный смешок. – Очень смешно.

– Я не шучу, – я замираю на месте.

– Мы быстро потратим эту сумму. Она уйдет в никуда.

– Дети купили все, что хотели, вчера в Topshop. Часть даже не подходит им по размеру, не говоря уже о том, что просто не идет.

Меня немного ошарашило, как жадно вели себя Эмили с Логаном. Конечно, я понимаю, подростки в Topshop – все равно что дети в магазине сладостей. Они обязаны были увлечься. Жадность – нормальная реакция на выигрыш в лотерею. Большинство людей решили бы, что это я странно себя веду, все еще думая о покупках исходя из того, что нам нужно. Джейк с детьми быстро переключились на мысли о том, чего они хотят. Но вне зависимости от этого даже во время их неудержимого шоппинга они потратили меньше тысячи фунтов каждый. Должна признать, это намного больше, чем мы когда-либо тратили на одежду за раз, но это всего лишь частичка нашего выигрыша. Я не могу себе представить, как мы можем потратить его подчистую.

– Мысли шире, Лекси, – подначивает Джейк. – Разве ты не видела тот отель в Нью-Йорке, который стоит почти восемьдесят тысяч?

– Сколько? – мой голос звучит неожиданно тонко и визгливо. Джейк смеется. Он постоянно смеется после того, как выпали наши номера. Я не узнаю его. Мне начинает казаться, что у него на самом деле какая-то истерия. – Я думала, это была ошибка. Он не может столько стоить. Я думала, они ошиблись с запятой, потому что никто в мире не заплатил бы восемьдесят тысяч за недельную поездку.

– Ошибки не было, Лекси. Две превосходные комнаты, номер сьют в одном из самых больших отелей мира в неделю столько и стоит.

– Это смешно.

– Это было бы смешно на прошлой неделе, но сейчас это капля в океане, – говорит Джейк, улыбаясь, как Чеширский кот. – Это другой мир.

– Это не наш мир.

– Ну, раньше он им не был, но теперь может быть. Я об этом и говорю, дорогая. У нас есть возможность жить совсем по-другому.

– Но в субботу вечером мы договорились пожертвовать на благотворительность.

– Да. Конечно. Мы так и сделаем. Но мы не можем отдать пятнадцать миллионов. Что, если дети захотят квартиры в Лондоне, когда вырастут? Они теперь стоят несколько миллионов.

– Ну да, я полагаю, некоторые квартиры столько и стоят, но это зависит от расположения и... – я пожимаю плечами. Джейк целует меня, заставляя замолчать. Он обхватывает мое лицо руками. Прервав поцелуй, он смотрит мне в глаза. Я чувствую себя одурманенной. Ошалевшей. Я снова плохо спала прошлой ночью. У меня кружится голова, и я с трудом могу мыслить трезво.

– Ты опоздаешь на работу, если сейчас не выйдешь. Об этом нужно еще подумать. Сделай глубокий вдох.

Лекси

Я пропустила свой автобус, и мне пришлось ждать следующий, поэтому я прибываю на двадцать минут позже обычного, что все еще не является официальным опозданием, поскольку я всегда прихожу неприлично рано. Мне нравится проводить несколько минут в одиночестве по утрам. Сегодня большинство моих коллег уже за своими столами. Я коротко, дружелюбно машу им и со всеми здороваюсь. Я приняла правильное решение. Пребывание в офисе, куда я прихожу неделя за неделей и попросту стараюсь изо всех сил, меня успокаивает. После новостей, которые все остальные сочли бы лучшими в мире, безумие – нуждаться в успокоении, но мне оно необходимо. Здесь все ведут себя обыденно, предсказуемо. И мне это нравится. Безумный восторг Джейка с детьми и их постоянный треп о том, что они купят, начинает меня утомлять.

Роб заливает кипятком овсянку – он всегда завтракает у себя за столом. Он медленно помешивает ее против часовой стрелки. Джуди курит вейп на улице возле офиса – она всегда настаивает, чтобы входная дверь оставалась открытой, потому что не хочет что-нибудь прослушать. Ей необходимо знать, кто что смотрел по телевизору на выходных, даже если это значит, что все остальные простудятся. Хайди все еще в наушниках – ей нравится слушать аудиокниги, и она ненавидит останавливаться на середине главы. Большинство моих коллег просто сидит с опущенными головами. Офис открывается в половину десятого, и эти пятнадцать минут являются затишьем перед бурей, поэтому их зачастую используют, чтобы собраться с мыслями и перевести дыхание.

Я плюхаюсь перед своим монитором, открываю ежедневник и пробегаюсь по списку дел на день. Сегодня мы работаем без записи. Я отчаянно надеюсь, что Тома зайдет. Последние несколько месяцев я собирала информацию по его заявлению о том, что владелец в конечном счете был ответственен за отвратительные условия в конуре, которую Тома делил со своими женой и ребенком. Ответственен за их смерть. Мы вместе подвергли изучению его догадку, что Элейн Уинтердейл взяла на себя вину своего мутного босса или боссов. Быстро стало очевидно, что эта догадка, скорее всего, верна. Как только суд завершился, она переехала в новенькую дорогую квартиру. Мы узнали, что она не владеет ей – зарегистрированным владельцем была та же компания, которая сдавала жилье семье Альбу. На мой взгляд, очень похоже на откуп. Дальнейшие раскопки привели к открытию, что, как и говорил Тома, та же компания стоит за несколькими трущобами, включая здание, где он жил какое-то время, когда работал только за еду и ночлег. Так что речь не просто об арендодателе развалюх, но и о современном рабовладельце. Он ничему не научился. Совершенно ничему.

Не совсем законными путями мы пробрались в три такие развалюхи. Я этим не горжусь. Я пытаюсь следовать правилам и, конечно, уважаю законы, но иногда цель оправдывает средства. Не то чтобы мы вломились туда, я просто показала свои визитки и сказала, что меня попросили провести инспекцию. Я должна была быть готовой – все-таки Тома говорил мне, что в его доме не было отопления два с половиной года, не считая маленького электрического обогревателя, которым они осмеливались пользоваться только иногда из-за дороговизны, – но меня это не подготовило.

Я была в ужасе от этих мест.

В одном из зданий не было ковров, только голый дощатый пол. Ни в одном из них не было занавесок, способных создать приватность или хотя бы прикрыть треснувшие стекла – а то и их отсутствие. В двух зданиях на кухонных шкафчиках не было дверок. Я заподозрила, что кто-то в отчаянии оторвал их и использовал для растопки. Во всех трех помещениях были

влажные стены, а от общих туалетов меня затошнило. Отвратительно предлагать людям такие условия. Это жестоко, унижительно.

Нигде не было датчиков угарного газа, а в одном из зданий стоял котел, подлежащий немедленному списанию. Я позвонила в газовую компанию. Написала зарегистрированному владельцу и советам по районам, где находились помещения, указывая на необходимость установки датчиков и других жизненно важных улучшений. В меру своих возможностей я предпринимаю нужные действия, но добилась не слишком многого. До пятницы я даже не могла найти имя владельца компании по недвижимости. Коррупцированные арендодатели редко с готовностью раскрывают свою личность. После долгих поисков я наконец-то нашла имя человека, ответственного за все это.

Я планировала поделиться этим с Тома сразу, отчаянно этого хотела, но теперь я не так уверена. Сможет ли он справиться с тем, что известно мне? Что он сделает? Печально, но я сомневаюсь, что владельца когда-либо отправят в тюрьму за преступление, в котором уже призналась Элейн Уинтердейл.

Это нечестно. Писать письма мало. И я знаю, что Тома тоже так считает. Они не уйдут от ответственности. Я не могу, не позволю этому случиться.

Нам нужно быть более изобретательными в погоне за справедливостью.

Обычно я пытаюсь не вовлекаться в дела, над которыми работаю. Это не помогает. Я сочувствую по умолчанию, иначе я бы не занималась такой деятельностью, но предпочитаю оставаться объективной, эффективной, рассудительной. Так я работаю лучше всего. В последние месяцы, с тех пор, как в моей жизни появился Тома Альбу, не вмешиваться становилось все сложнее. Я не могу не восхищаться его особой силой и достоинством, его яркой преданностью и настойчивостью. Я понимаю его. Я осознаю, что вовлеклась больше, чем стоило. Было тяжело этого не сделать.

А теперь и вовсе невозможно.

Я заглядываю в кабинет моей начальницы, на ходу стуча в дверь. Стук – это просто формальность. Элли придерживается политики открытой двери, поэтому и все сотрудники здесь считают ее кабинет продолжением нашего офиса. Иногда, если комнаты для встреч заняты, Элли освобождает кабинет, чтобы дать нам и нашим клиентам немного уединения. Это чуть ли не единственное время, когда дверь закрыта.

– Приветик, Лекси, как твои выходные? – спрашивает Элли.

С чего бы мне начать?

– Жарко, – блекло говорю я. Слава богу, я британка и всегда могу использовать погоду, чтобы поддержать разговор.

– И не говори. Ты воспользовалась этим по максимуму?

– Да, спасибо.

Она начинает печатать на клавиатуре, как всегда занятая.

– Элли, я хотела узнать, можно ли мне отпроситься после обеда. Мне нужно уйти по личным причинам. Извини, что не предупредила заранее. Появилось кое-какое дело.

– Да, хорошо. Конечно.

– Я буду работать во время обеденного перерыва, но в два мне нужно уйти, поэтому я «задолжаю» еще несколько часов. Я отработаю их на этой неделе.

– Не сомневаюсь в этом. Все в порядке? – Элли отрывает глаза от экрана. Ее умное лицо, всегда готовое к улыбке, выражает заинтересованность – она готова обеспокоиться, но не любопытствует.

Я киваю и чувствую облегчение оттого, что она не задает дальнейших вопросов. Не хочу врать и придумывать какое-то оправдание про визит к стоматологу или что-то вроде того. Я смотрю на свои часы.

– Мне пора приступить.

– Ага, хватит бездельничать, – говорит она с ухмылкой, возвращаясь к своей работе.

Моя голова готова взорваться. Единственный способ пережить этот день – отвлечься на работу. Я поднимаю трубку, чтобы назначить встречу начальника Консультационной службы по социальным пособиям с отделом прав на благосостояние местного совета. Потом я назначаю свою встречу с местным ответвлением «Возраста СК»². У нас постоянная вереница людей, которым требуется совет, но Тома не появляется. Каждый раз при виде клиента я понимаю, что выписанный чек решит или уж точно облегчит их проблемы. Я никогда так отчетливо не осознавала силу денег, и, несмотря на мои старания не думать об этом, обращаю на это внимание. Меня начинает тошнить от чувства ответственности. Примерно в одиннадцать я встаю, потягиваюсь и иду в комнату – немногим больше шкафа, – она служит как помещение для отдыха. Роб и Джуди выжидают возле закипающего чайника.

– Везунчик, хотела бы я быть на его месте! – восклицает Джуди. – Ты слышала, Лекси? Кто-то из местных выиграл в лотерею.

Я замираю и не знаю, как ответить. К счастью, Джуди и не ожидает от меня ответа. Как и многие ее вопросы, этот был риторическим, ей не составит труда ответить на него самой.

– Купил билет на нашей улице, представляешь? В WHSmith. Как раз там, где я покупаю свои, если утруждаюсь. Что случается редко, когда я чувствую себя удачливо. Не на этой неделе, а жаль! Это могла бы быть я.

– Ну, только если бы ты выбрала такие же номера, – отмечает Роб.

Джуди продолжает, не отвлекаясь на этот факт:

– Разве можно поверить, что мы могли пройти мимо победителя на улице. Задеть его и даже ни о чем не догадаться. Семнадцать и восемь миллионов фунтов! Представьте себе! Счастливчик.

– Как ты узнала, что билет купили недалеко? – спрашиваю я, чувствуя пробегающий по спине холодок. Я не привыкла хранить секреты. Обычно я как открытая книга, которую любой может прочесть.

– Прочитала в интернете. В местной новостной ленте.

– Но откуда они узнали? – резко спрашиваю я. – Я имею в виду, если семья решает не предавать выигрыш огласке, эти детали хранятся в секрете.

Я знаю это из моего субботнего разговора с работниками лотереи. Джуди внимательно изучает меня, я краснею. Обычно я не говорю резко, и, должно быть, кажется странным, что я так хорошо знаю процедуру. Выдала ли я себя? Я расслабляюсь, когда Джуди заливается смехом.

– Ты завидуешь? Ну, если ты права насчет этого, тогда я полагаю, что победитель решил предать все огласке.

Я качаю головой. Это не то, на чем мы сошлись. Может, кто-то из детей проговорился? Уже? Они были вне поля моего зрения всего несколько часов.

– Я думаю, они скоро объявят имя победителя. Только подумай, это может быть кто-то, приходивший к нам за помощью.

– Извините, что прерываю, – говорит Хайди. – Там к тебе пришел какой-то парень из Восточной Европы. Я спросила его, могу ли я помочь, но он сильно настаивает на разговоре с тобой.

Я бросаюсь вон из комнаты отдыха, спеша улизнуть от Джуди и ее догадок. Я вижу Тома, сидящего у моего стола с теперь уже знакомым мне мрачным и решительным выражением лица, и чувствую, как меня захлестывает волна собственничества и привязанности. Это нельзя назвать строго профессиональным, но я говорю себе, что в этом нет ничего плохого, я могу это контролировать. Мне становится жарко, а потом холодно – словно бы кто-то прошелся по моей

---

² Благотворительная организация в Соединенном Королевстве, занимающаяся помощью пожилым людям.

могиле, как описала бы моя бабушка это ощущение. Предупреждение. Внезапно я уверена, что не могу поделиться тем, что узнала в пятницу. Даже если мы гнались за этим вместе, даже если ему отчаянно нужно возложить на кого-то вину. Именно поэтому и не могу. Это знание ошарашит его. Знание имени владельца, а также и того, что он не понесет наказания, может подтолкнуть Тома сделать глупость. Он может захотеть напасть на этого человека, убить его. Это звучит чересчур, но Тома, как и я, верит в справедливость, и ему все равно, насколько несправедливым ему нужно быть, чтобы добиться ее. У меня есть решение. Я могу защитить Тома. Выигранные мной деньги можно использовать во благо.

– Как ты? – спрашиваю я.

За прошедшие десять недель, помимо расследования заявлений Тома о владельце трущоб, я также помогла ему найти комнату в приличном доме. Теперь он живет с пожилой парой, которой нравится его присутствие, потому что он заменяет им сына (их собственный живет в Штатах и звонит лишь раз в месяц). Тома меняет лампочки, стрижет их газон и дает им чувство защищенности.

Я могу это понять.

Когда я с ним, я тоже чувствую себя защищенно, спокойно. Даже когда мы крадемся по грязным домам, встречаемся с людьми, нелицеприятными либо по собственному выбору, либо по вине обстоятельств. Дело не в его внушительной физической оболочке, а в глубоком, нарочитом спокойствии. Полагаю, когда с тобой случилось самое худшее, тебя больше ничто не пугает.

– Я хорошо. Спасибо, – он немногословен.

– Я рада, что ты зашел. Кажется, я нашла для тебя вариант работы.

– Да? – он выглядит заинтересованным. Ему не нравится сидеть без дела. Он был достаточно занят, пока мы играли в детективов, но сейчас это должно прекратиться. Работа может отвлечь его, по крайней мере временно, от его погони.

– Промышленная прачечная. Зарплата не слишком высокая. Посменная работа.

– Можно мне брать двойные смены?

– Ну да, если захочешь, – улыбаюсь я.

– Я хочу. Я никогда не боялся попотеть. Чем мне еще заниматься, как не работой?

– Я надеюсь, ты сможешь найти там какой-то круг общения. Там множество работников из Восточной Европы.

– Хорошо. Звучит неплохо, – кивает Тома. – Я надеялся, что ты позвала меня, потому что нашла имя владельца.

– Извини, – качаю я головой. У меня сводит желудок, потому что мне не нравится врать ему.

– Все в порядке. Я знаю, что ты пытаешься. Знаю, что ты прилагаешь все усилия ради меня.

Так и есть. Я хочу заверить Тома, что его жизнь скоро изменится, но заставляю себя промолчать. Иногда нужно сохранить молчание.

– Дай-ка я достану форму заявки. Это всего лишь формальность. Они хотят получить рабочую силу как можно скорее. Ты можешь выйти на работу уже послезавтра.

– Или даже раньше, если я прямо сейчас отнесу им заявку. Те, кто на вершине горы, на нее не свалились, – говорит Тома, а затем одаряет меня редкой улыбкой, которая согревает мне сердце.

Работники лотереи сказали, что мы можем назначить первую встречу, где нам захочется. Мы решили, что проще и незаметнее всего будет, если они приедут к нам домой, чтобы оформить документы. Я не могу не нервничать. Когда мы примем чек, наши жизни изменятся навсегда. Не будет пути назад. Но потом я спрашиваю себя, кому бы хотелось возвращаться назад, когда можно сделать столько хорошего, двигаясь вперед? Возвращение назад – это бред.

Я покупаю морковный торт в супермаркете на главной улице. Мне также хочется купить какой-нибудь фирменный чай. Я не хочу показаться вычурной, но мне хочется проявить гостеприимство. Я покупаю Tearigs, бренд, который всегда считаю угощением, но жалею, что выбрала смесь лакрицы и мяты – это может быть проблематично, не покажется ли это претенциозным? О чем я думала? И все же я всегда могу заварить обычную чашку крепкого чая.

Дома я обнаруживаю проблемы посерьезнее, чем необычные пакетики чая. Я с удивлением вижу Эмили, загорающую в саду, и припаркованную у нашего дома кричаще-желтую Ferrari, негармонирующую с неподстриженной кипарисовой изгородью и переполненными мусорными баками. Я мало знаю о машинах, меня интересует только то, что на них я могу добраться из пункта А в пункт Б, но даже я узнаю черную лошадь на значке. Я не уверена, о чем спросить первым: о неожиданном присутствии моей дочери или о машине. Джейк берет дело в свои руки и выкрикивает:

– Я решил себя побаловать! – он довольно смеется. Держа руки на поясе, широко разведя ноги в мужественной, победной позе, он не может отвести глаз от машины, чтобы взглянуть на меня, но добавляет:

– И я забрал Эмили, потому что она написала мне, что плохо себя чувствует.

– Как ты это купил? Мы еще не получили деньги на счет.

Теперь он улыбается мне, довольный собой, словно только что сделал что-то выдающееся – добился повышения или победил в забеге отцов в школьный день спорта.

– Я просто взял с собой в салон билет и помахал им перед ними. Это было потрясающе. Видела бы ты их лица.

Эта легкомысленность совсем не в его стиле.

– Сначала я не знал, поверили ли они мне, но я сказал им, что мы много лет участвуем в лотерее и всегда выбираем одни и те же номера. Что мы... ты каждую неделю покупаешь билет в одном и том же WHSmith на главной улице во время обеденного перерыва. Им понравилась эта история. Они слопали ее за милую душу. Все любят победителей, а?

Что ж, теперь понятно, как информация о том, что победителем стал кто-то из местных, просочилась в интернет. Мой собственный муж проболтался консультанту, который, очевидно, не смог не поделиться сплетней.

– Ты взял лотерейный билет в салон? – я поражена его безрассудством, его глупостью. Я роняю сумку у своих ног, глаза на машину.

– Ага.

– Что, если бы ты его потерял?

Джейк замечает мое выражение лица, в котором, несомненно, сочетаются обеспокоенность и раздражение.

– А, точно, извини. Это было глупо с моей стороны. Мне не стоило этого делать. Я просто так рад! – он крепко меня обнимает. – Извини. Я оплошал, но не волнуйся, я его не потерял, – его дыхание теплое, а прикосновение родное, но я не могу расслабиться. Эмили выглядит смущенной нашим публичным проявлением внимания, поэтому Джейк отстраняется и начинает оживленно перечислять непонятные мне факты и цифры о машине. – Ну разве она не красotka? Это 488 GTB. У нее двигатель 3,9 литра, пятьсот тридцать лошадиных сил. Мощность невероятная, шасси превосходные, – он поглаживает капот, чуть ли не лаская его. – Это очень важная модель для Ferrari. Она представляет собой изменение философии среднеторных суперкаров компании.

Я тарашусь на него. Он мог бы разговаривать на иностранном языке, и я поняла бы столько же. И мне было бы так же все равно.

– Это, на самом деле, не моя машина, – добавляет Джейк. – Она арендована.

– О, слава богу, – но мое облегчение мимолетно.

– Моя будет готова через пару недель. Моя красная, и я заказал кое-какие изменения. Это занимает немного времени. Мне было сложно выбрать между кожаными или углеволоконными дверными панелями. Жаль, что тебя не было, чтобы помочь с выбором. Она великолепна, не так ли?

– Сколько?

– Эй, если тебе нужно спрашивать, ты не можешь себе этого позволить, а так как мы можем позволить себе что угодно, тебе не нужно спрашивать, – он улыбается мне. Своей неудержимой, очаровательной улыбкой. Обычно она кажется мне неотразимой, но сегодня я остаюсь сосредоточенной.

– Сколько?

– Ну, эта модель стоит от ста девяноста пяти тысяч фунтов, но мы покупаем кабриолет, а они чуток дороже.

– Двести тысяч фунтов за машину!

– Наша будет ближе к двумстам тридцати, – гордо говорит Джейк.

– За эти деньги можно дом купить.

– Да, если хочешь, – соглашается он, очевидно не понимая меня. – Максимальная скорость 205,1 миль в час.

– Это незаконная скорость.

– Ну я, конечно, никогда не буду так быстро ездить, это просто как вариант.

– Разве она не потрясающая! – вставляет Эмили. – Хотя я думаю, что папе стоило выбрать темно-зеленую с красным салоном. Я как раз просматривала цветовую гамму онлайн.

– Почему ты не в школе? Что конкретно с тобой не так? – мой тон звучит резче, чем я хотела. Эмили опускает взгляд. Отгораживается от меня.

– Менструальные боли, – раздраженно бормочет она. – Или, может, отравление? – затем она бросает взгляд на отца. Я слишком занята перевариванием того, что машина может стоить больше двухсот тысяч фунтов, чтобы различить, смотрит ли она на него со стыдом или мольбой не выдавать ее. Это бегающий взгляд. Она явно просто отлынивает.

Я не хочу омрачать энтузиазм Джейка, когда он такой радостный. Он обожает машины, и я ожидала, что он купит новую из нашего выигрыша. Конечно. За время нашего брака мы перебывали надежными подержанными хэтчбеками. Он обязан был воспользоваться возможностью. Я просто не ожидала, что он выберет машину так быстро. И такую *дорогую*. Но чтобы сохранить настрой, я говорю:

– Я себя тоже побаловала. Я купила Tearigs.

Джейк с Эмили раздражаются смехом. Эмили первая берет себя в руки, когда понимает, что я не шучу.

– Я поставлю чайник, – предлагает она.

– Не нужно, я уже охлаждаю шампанское. Crystal. Оно стоит двести фунтов за бутылку.

– Я не хочу шампанское. Я хочу чай.

– Ага, но женщина из лотерейной компании может захотеть выпить бокальчик, – говорит Джейк. Я со вздохом принимаю, что есть такая вероятность.

Я не знаю, это потому, что папа в восторге от новой машины, или он просто забыл, но я чувствую огромное облегчение, что он явно не считает нужным рассказать маме, почему я дома.

Я ушла из школы. Вот и все. Потом я написала папе.

«Я не хочу здесь быть».

«Еду, принцесса. Подожди, пока увидишь мою колесницу!»

Машина потрясающая. Это просто огромная куча совершенства цвета нарцисса. Ее видно за милю и слышно еще дальше. Папа стоял у школы, ревя двигателем. Было бы умным решением не высовываться, раз я прогуливала уроки, но было круто увидеть, как у всех отвисают челюсти. Ридли был среди них. Я притворилась, что не вижу его, но чувствовала его яростный взгляд спиной. Это приободрило меня после моей ссоры с Ридли и Меган. Я просто поверить не могу, как они себя повели! Как будто мы никогда не были друзьями! Будто мы не встретились! Такие завистники.

– Ты видел их лица, видел? – спросила я у папы, когда мы унеслись.

– А то.

Затем папа начал грузить меня кучей информации про машину. Я мало чего запомнила, но поняла суть. Коротко говоря, машина быстрая и дорогая. Мы немного покатались, потому что никто из нас не хотел сразу ехать домой, проехали мимо домов Ридли и Меган. Ну, типа, не нарочно, они просто по дороге, хотя я думаю, что отец заревел двигателем под их окнами специально. Он явно вел себя более безумно после того, как мы выиграла в лотерею. Кажется, я заметила кого-то в окне дома Ридли. Наверное, Дженнифер, она обычно дома. Мы решили проехаться по шоссе.

– Просто чтобы она немного разогрелась, – сказал папа.

Оборачивались не только школьники – каждый второй водитель завистливо глазел на нас, раскрыв рот. Какое-то время папа ничего не говорил, мы просто ехали, наслаждаясь согревающим душу ощущением того, что наша жизнь лучше, чем у других. Потом он повернулся и спросил:

– Так что случилось в школе?

Я должна была понимать, что он спросит. Да, папа – веселый родитель, но он все же родитель и поэтому всегда интересуется моей жизнью.

– Там отстойно, – пробормотала я.

– Я думал, тебе нравится в школе.

– Не-а.

– Раньше нравилось.

– Я поссорилась с Ридли, – пожала плечами я. – И с Меган.

– Из-за выигрыша в лотерею?

Я снова пожала плечами, потому что технически мне нельзя было разговаривать о выигрыше, но, с другой стороны, папа только что проехался по их улице на огромной, яркой Ferrari. Не совсем незаметно.

– Я знаю, ты мне сейчас не поверишь, но ты молодая, и будут еще другие мальчики, другие лучшие друзья.

Я посмотрела в окно. Он неправ. В тот момент каждая эмоция, которую я когда-либо испытывала, хотела вырваться из моего тела. Конечно, я, типа, очень, очень счастлива, что мы теперь богаты, но я просто в шоке от Ридли и Меган! Как они могли себя так повести?! Такое чувство, что они меня ударили. Я не могу это объяснить. Даже если могла бы, папа бы не понял. Он слишком старый. Он продолжил, потому что я ничего не сказала:

– И, может, это к лучшему. Ты будешь занята следующие несколько месяцев.

– Подготовкой к выпускным экзаменам, – простонала я.

Я в десятом классе, но пробная версия пробных выпускных экзаменов будет через несколько месяцев. Честно, результаты не влияют вообще ни на что, но мои родители все еще говорят об этих экзаменах почти каждые тридцать секунд.

– Занята тратой денег, – засмеялся папа. – Мы переедем в новый дом, будем путешествовать.

Я с облегчением улыбнулась ему. К черту школу. Мне теперь не нужно образование! Мы богаты!

Сегодня было жестко.

Ридли и Меган слетели с катушек. Они были рады за меня долю секунды, когда думали, что выигрыш поделится между всеми тремя семьями, но как только я сказала им, что их родители забили на синдикат до выигрыша, они совсем сошли с ума. Они повторяли, что это нечестно, что это неправильно. Меган сказала (и я цитирую), что она «ненавидит гребаных богатых сук». Она сказала, что мы больше не сможем быть друзьями. Вот так просто. Типа, выбросила нашу дружбу с самого детства.

– Ридли, как насчет тебя? Ты тоже так думаешь? – спросила я, потянув его за руку, чтобы он повернулся ко мне лицом. Знаете, это странно, но даже посреди серьезной ссоры от его прикосновения у меня подкашивались колени. Я чувствую его всем своим телом. Как будто я его целиком проглотила или вроде того.

– Эм, это сложно.

Он единственный, кто называет меня Эм. Моя мама хочет, чтобы я приняла полное имя как отсылку к Эмили Бронте, поэтому исправляет большинство людей, если они осмеливаются его сократить. Но с Ридли она так не делает. У нее есть какие-то границы. Он называет меня Эм, а я его – Ридс. Это наша фишка. И хотя он избегал смотреть мне в глаза, приковав взгляд к полу, он все же назвал меня Эм, поэтому я начала таять. Меган ушла, но делала эту раздражающую вещь, к которой иногда прибегает, когда она не в настроении: она не исчезла полностью, а осталась на периферии, чтобы мы догоняли ее. Она иногда любит привлекать к себе внимание.

– То есть я рад за тебя, – добавил он. – Это отличные новости, но я не знал, что мои родители забили на лотерею. Меган, скорее всего, тоже не знала. Поэтому, когда ты сказала, что вы выиграли, я думал, мы все выиграли. Понимаешь? – он поглядывал на Меган, объясняя это. – Она расстроена. Я пойду поговорю с ней.

– Я тоже расстроена.

– Ага, но ты богата и расстроена, а это всегда не так серьезно, – он мимолетно мне улыбнулся и побежал догонять Меган. Я была немного растеряна, в тот момент мне казалось, что у меня есть одновременно все и ничего.

Кататься на папиной новой машине было весело, но я не могла выбросить Ридли и Меган из головы.

– Пап, можно мне бросить школу?

– Может быть. Ты можешь взять перерыв на год, заниматься с репетиторами, пока мы путешествуем. Или просто взять перерыв на год и снова пойти в тот же класс, когда вернешься. Ты молодая для своего класса, и в любом случае жизнь – это больше, чем просто школа. Мне с твоей мамой нужно обсудить план. Ты точно можешь перевестись в другую школу, если тебе не нравится эта. Мы можем отправить тебя в частную, если хочешь.

– Да, думаю, хочу.

Тогда он сказал, что нам стоит сделать круг и проехать мимо домов Хиткотов и Пирсонов еще один раз. Господи, какой же в этой машине громкий двигатель.

Мне сразу же приходится по душе женщина из лотерейной компании, Джиллиан. Она похожа на человека, который мог бы работать со мной в Бюро. Размеренная, почти скучная. У нее крашенные светлые волосы, на корнях виднеется смесь более темного цвета и преждевременной седины. Она, наверное, сама красится дома в ванной, как я. Это почему-то успокаивает. Джиллиан носит очки в толстой оправе и сумку, больше практичную, чем красивую.

– Хотите чаю? – предлагаю я.

Я выложила торт, тарелки и кружки. Я бы поставила чашки с блюдами, если бы они у нас были. Эмили говорит, что теперь нам стоит их приобрести. А еще я забыла купить бумажные салфетки.

– О да, пожалуйста. Просто крепкий с молоком, без сахара, – говорит Джиллиан тоном женщины, жаждущей чая после долгой поездки в машине.

– Я думал, шампанское будет более уместным, – Джейк поднимает бутылку перед собой.

Джиллиан быстро оглядывает нас, взвешивая. Я делаю то же самое, сидя перед клиентами в Бюро. Предлагаемые мной советы всегда одинаковы, но есть миллион разных способов их высказать – в зависимости от типа человека, с которым я разговариваю.

– Я буду то же, что вы. Шампанское – это всегда хорошо, но я за рулем, так что выпью не больше половины бокала. У меня для вас много информации, поэтому, полагаю, все зависит от того, как долго вы можете сохранять ясную голову, – отвечает Джиллиан с дипломатическим смешком.

Джейк уже вертит проволоку, обхватывающую пробку. Он уносится на кухню, чтобы налить. Джиллиан и я сидим молча, пока до нас не доносится хлопок. Тогда Джиллиан улыбается:

– У вас такой повод для празднования.

– Да.

Мы чокаемся. Джейк выпивает свое шампанское так, словно оно выходит из моды, а потом тут же пополняет бокал. Джиллиан начинает вытаскивать документы и папки из своей большой сумки и принимается привязывать нашу мечтательную нереальность к чему-то более практическому.

– Нам нужно назначить встречи с бухгалтерами и финансовыми консультантами. Как вы можете себе представить, такие деньги нельзя просто положить в банк. Вы можете заставить их работать на вас, если поговорите с отделением управления капиталом вашего банка.

– Отделением управления капиталом?

– Учитывая то, каким банком вы пользуетесь сейчас, я бы предложила Coutts. Вы о них слышали?

Я вспоминаю элегантную эмблему сбоку огромного, выглядящего неприступным здания, мимо которого я иногда прохожу по Стрэнд в Лондоне. Я никогда даже не мечтала туда зайти. Витиеватый, изысканный черный шрифт на кремовом фоне. Coutts – это банк королевской семьи.

– А они нас примут? – спрашиваю я.

– Несомненно, – улыбается Джиллиан.

– Деньги говорят, – встревает Эмили.

– Деньги кричат, – смеется Джейк.

Мне не нравится, что Эмили присутствует при обсуждении финансов. В прошлом мы всегда избегали разговоров о деньгах при детях. Хотя это было потому, что раньше все наши обсуждения сводились к тому, достаточно ли у нас их, а если нет, то как мы можем заработать еще.

– У меня указано, что вы еще не определились насчет прессы, но мы следили онлайн, и в Интернет уже просочилась информация, что победителем стал кто-то из местных. Это как-то

связано с...? – Джиллиан тактично замолкает, но переводит взгляд к саду, где припаркована машина.

– Да, – подтверждаю я. – Моему мужу не хватает осмотрительности.

– Но я компенсирую это энтузиазмом, – Джейк постукивает пальцами, словно выбивая ритм на барабанах. Эмили смеется. Джиллиан вежливо улыбается. Я клянусь, он обдолбан, хоть и не принимал наркотиков.

– Что ж, теперь я предлагаю вам согласиться на освещение в прессе. С утечкой и Ferrari, припаркованной на вашей улице, это дело времени, прежде чем местная пресса узнает, кто выиграл семнадцать и восемь миллионов фунтов. Если это произойдет, вы не сможете с легкостью контролировать информационный поток. Если мы проявим инициативу, то сможем управлять новостями, чтобы сделать их как можно менее навязчивыми.

– Контролировать информационный поток? – удивленно спрашиваю я.

– Ну, здесь милая история, – говорит Джиллиан с успокаивающей улыбкой. – Семья с двумя детьми, большой выигрыш, людям понравится, – она имеет в виду обычную семью. Мы довольно обычные. Она просто слишком вежливая, чтобы это озвучить. Она могла бы, я бы не была против. Меня устраивает быть обычной. Я улыбаюсь. Если и получается немного натянуто, Джиллиан, кажется, этого не замечает. – Мы можем представить вас рекламным агентам и даже консультантам по имиджу, если захотите.

Я понятия не имею, что такое консультант по имиджу, но все равно киваю – я хочу иметь команду, поддержку.

– В таком случае, если вы согласны на прессу, нам нужно устроить небольшую церемонию, чтобы передать вам огромный чек. Это может быть очень весело. Как насчет этой пятницы? Вам подойдет?

– Да, у меня короткий день по пятницами, так что я успею, – говорю я. Джейк и Эмили снова хихикают между собой. В своих планах они работу и учебу явно не учитывают.

– Это можно устроить где угодно, но я предлагаю сделать это не у вас дома. Может, в каком-то загородном доме, где получатся отличные фотографии. Мы пригласим местные газеты и радиостанции. Мы проговорим с вами вопросы, которые вам, скорее всего, зададут. Мы сможем потренироваться на них отвечать, если захотите. Вам не о чем беспокоиться. Это не станет огромным событием. Это не национальные новости.

– Нет? – я чувствую облегчение.

– Не вполне. Вам нужно было бы выиграть больше шестидесяти миллионов, чтобы попасть в национальную прессу.

– Вы только представьте, – восхищенно говорит Джейк.

– Я взяла на себя смелость оглядеть местность сегодня утром на случай, если вы захотите выбрать этот вариант. Этот отель-поместье выглядит чудесно. Просто картинка, – Джиллиан передает свой iPad. – Я уже поговорила с их организатором мероприятий. Они примут нас, если вам нравится.

Передо мной фото внушительного здания отеля «Поместье Камберуэлл». Я знаю о нем, они устраивают большие свадьбы и корпоративные балы. Я никогда там не была, но где-то во мне таилась мысль, что это было бы идеальное место для свадьбы Эмили через, скажем, пятнадцать лет.

– Очень красиво, – киваю я.

– Ага, отлично. Я всегда хотел предать это огласке. Я думаю, будет весело, – комментирует Джейк. – Только один момент. Нам нужно будет ждать до пятницы, чтобы получить деньги? Нам изначально сказали, что их могут положить на наш счет к среде.

Я закрываю глаза, стыдясь его жадной нетерпеливости.

– Чек вам дадут чисто символически. Вы не сможете его обналичить, – замечает Джиллиан.

- Да, я так и думал.
- Однако мы, конечно, сможем перевести деньги на ваш счет раньше, если вы этого хотите.
- Хотим, – твердо отвечает Джейк.

11

Эмили

Пятница, 26-е апреля

Лотерейная компания организывает для нас машину, чтобы родители могли выпить шампанского на пресс-конференции и избежать предположений, будто они поведут в нетрезвом виде. Папа говорит, он мог бы выпить «один бокальчик» и сесть за руль, и что он хочет поехать туда на Ferrari. А мама говорит, что он не может, потому что даже если он технически не превысит законный лимит, это будет очень плохо выглядеть в прессе, если кто-то из журналистов заметит. Папа говорит, Джиллиан сказала, что мы совсем не сенсационная новость. Он звучит разочарованно. Мама говорит, что мы не хотим стать более громкой историей по плохим причинам и в любом случае мы все не поместимся в Ferrari. Логан говорит, если папа будет за рулем, то он хочет поехать с папой, потому что Ferrari – это суперкруто. Мама заталкивает всех нас в машину лотереи – не такой уж убогий лимузин. Она говорит, что больше не хочет ничего слышать.

Финал!

«Поместье Камберуэлл» по-старомодному величественное. Перед ним гравиевая подъездная дорожка, по краям усаженная деревьями. Внутри полно древних потрепанных ковров на деревянных полах и обшитых деревом стен. Богачам нравится и то и другое. Я бы свой загородный дом так не обставила – я бы выбрала современный стиль, склоняясь к чему-то более неожиданному, но я вижу, в чем привлекательность этого варианта. Нас проводят в зал с высокими потолками, с висящими на стенах картинами (лошади со странными пропорциями и скучные пейзажи) и с примерно двумя дюжинами стульев, обращенных к трибуне. Нам предлагают напитки, я прошу капучино, но кто-то приносит нам с Логаном колу (полную сахара, поэтому я не прикасаюсь к своей). Начинают прибывать журналисты. Они двух противоположных типов: либо торопливо входят, вспотевшие, поскольку, кажется, считают, что опоздали, и хотят дать всем понять, как они заняты (и, следовательно, востребованы, важны), либо неторопливо расхаживают, явно готовые задержаться у предлагаемых закусок и растянуть «работу» до обеда. Папа говорит, все зависит от того, штатные это сотрудники или фрилансеры. Некоторые из них с трудом тащат груды оборудования – штативы и камеры, – как будто iPhone еще не изобрели. Никто не ведет себя резко и саркастично, как я ожидала. Полагаю, они все слегка разочаровались, что был изобретен Интернет, а Флит-стрит больше нет. Я знаю, что Флит-стрит была оживленным центром журналистики в далеком прошлом, из какой-то книги Ивлина Во, которую читала в школе, а еще от папы, потому что он часто говорит о профессиях, вызывающих разочарование.

Журналисты местные и, очевидно, все друг друга знают – они весело болтают между собой, справляясь о детях и партнерах. Это начинает смахивать на вечеринку. Не на такую, которые нравятся мне, а на одну из тех, что устраивают родители. Они улыбаются нам, а мы застенчиво улыбаемся в ответ, но Джиллиан (женщина из лотерейной компании, которая является чем-то вроде нашей няньки для богатых) ясно дала понять, что лучше много не говорить с прессой до тех пор, пока мы не сделаем заявление – после этого и настанет время для вопросов. Пока журналисты принимаются за пирожные, организованные Джиллиан, наша семья в основном держится позади, не считая Логана. Он съедает три эклера и пончик примерно за

пять секунд. Я думаю, остальные просто немного нервничают, даже папа. Когда журналисты занимают большинство стульев, Джиллиан встает за трибуну.

Я слушаю, как она говорит миру (ладно, всего лишь дюжине местных репортеров из газет, журналов и с радиостанций одного из графств Англии), что мы выиграли в лотерею, и от ее слов все внезапно кажется очень настоящим и прекрасным. В течение последней недели мы устраивали шоппинг, папа купил свою крутую машину, мы забронировали поездку в Нью-Йорк – все это было чертовски потрясающим. Но почему-то ненастоящим. Я думаю, мама в особенности переживала, что кто-то внезапно заберет все это у нас, и ее беспокойство висело над всеми нами. Она постоянно волнуется. Бабушка говорит, что она нервная до глубины души, папа говорит – до мозга костей, в общем, весь ее организм – оплот беспокойства. Я улыбаюсь ей, и она улыбается в ответ. Внезапно и одновременно мы в это верим. Мы в порядке. Мы победители.

Именно в этот момент в зал врываются Карла и Патрик Пирсоны с Дженнифер и Фредом Хиткотами. Раздается голос Карлы: громкий, дерзкий, уверенный и, честно говоря, немного раздражающий.

– Мы их близкие друзья, мы пришли поздравить. Пустите нас.

Это приказ, а не просьба. Парень за стойкой консьержа, которого мы встретили по приходу в отель, явно не является серьезной охраной. Он вежливо отступает в сторону и пропускает Хиткотов и Пирсонов. Все взгляды обращены к ним. Джиллиан терпеливо ждет, пока новоприбывшие найдут себе места. Но они не садятся. Я оглядываюсь, ища Ридли и Меган. Их не видно. С тех пор, как мы в четверг поссорились, ни от одного из них я не слышала ни слова! Невероятно! Я не была в школе на этой неделе – не могу себя заставить. Совершенно бессмысленно ходить в школу, если у меня нет Ридли и Меган. Мама психовала каждый день, не веря моим оправданиям, что у меня болит живот, но папа поддерживал меня, поэтому в итоге она сдалась. До выигрыша она ни за что на свете не разрешила бы мне пойти по магазинам в день, когда я не пошла в школу из-за плохого самочувствия, но это произошло. Я бы хотела, чтобы Ридли был здесь. Я выгляжу очень даже привлекательно в моем новом платье до середины икр от Boss (наверное, оно должно быть до колена, но на мне оно длиннее, потому что я ростом не удалась).

Я оглядываюсь на маму с папой. Они не улыбаются. Они оба неподвижные, как камни, и бледные, как кости. Я знаю, мама пока не хотела, чтобы Хиткоты и Пирсоны узнали о выигрыше, она озверевает, когда обнаружит, что это я рассказала. Папа не так беспокоился. Наверное, он смирился с тем, что нам в какой-то момент придется столкнуться с их реакцией. Будут ли взрослые завидовать, как Ридли и Меган? Или они будут более рассудительными? Они сказали, что пришли с поздравлениями. Я надеюсь на это, потому что тогда, возможно, я смогу помириться с Меган и Ридсом.

Дженнифер и Фред – родители Ридли. Ридли похож на своего отца, но у него мамина улыбка. Однако сейчас она не улыбается, ее сжатые челюсти выдают мрачную решительность. Хиткоты одеты как обычно – элегантно. Не модно, но определенно уместно. Классически. У Дженнифер выглядящее дорого карамельное мелирование, и я думаю, что она, наверное, недавно подстриглась, чтобы волосы смотрелись аккуратнее. Она всегда словно только что вышла из парикмахерской. Борода Фреда делает его похожим на какого-то старого герцога или типа того. Я не могу это описать, но они выглядят так, как, мне кажется, хотели выглядеть мама с папой, когда мы фланировали по Нью-Бонд-стрит с деньгами, прожигающими им карманы. Мама говорила мне прежде, что Дженнифер и Фред самые изысканные из всех наших друзей. Они оба учились в частных школах, а у Дженнифер в детстве был пони. Я думаю, на самом деле Карла и Патрик сейчас богаче, их дом точно больше, но, несмотря на это, Дженнифер и Фредом восхищаются сильнее. Потому что они такие приличные и не похожи на других. Они очень милые. Вежливые такие.

Я смотрю на своих родителей. Они выглядят хорошо, моложе Хиткотов и Пирсонов, но смотрятся немного вычурно. По ним видно, что они в новой одежде, а это никогда не бывает хорошо. Разве что на отдыхе. Моя мама, в принципе, симпатичная, но она ничего с этим не делает, а так как ни Карла, ни Дженнифер не работают, у них много времени на походы в тренажерный зал и салоны красоты. Может, раз мы теперь миллионеры, мама немного поравняется с ними. Помню, я когда-то пошутила, что, когда мы с Ридли будем жениться, ей придется сильно постараться, чтобы мать жениха не затмила собой мать невесты. Она лишь ответила: «Ты слишком молодая, чтобы говорить о браке». Мама не очень любит соревноваться.

Ридли все еще мой парень?! От этой ворвавшейся мне в голову мысли по моему телу проносятся настоящие уколы боли, словно кто-то меня щиплет. Должно быть, это сигнал. Должно быть!

Патрик, отец Меган, одет в свое будничное облачение – костюм и галстук. Я ненадолго задумываюсь, почему он не на работе. Патрик обычно неразлучен со своим телефоном и говорит только о работе. Чего нельзя сказать о моем папе. Действительно, разве и Патрик, и Фред не должны быть в офисе? Наверное, то, что они отпросились с работы, чтобы прийти на эту пресс-конференцию – хороший знак, не так ли? Они, вероятно, хотят нас поддержать. Или, по крайней мере, подлизаться к нам. Я уверена, что, узнав о нашем выигрыше в лотерею, они захотят урвать бесплатный отдых, когда мы будем арендовать где-то какое-нибудь шикарное шато. Все будет в порядке. Как только они увидят нашу щедрость. Я верну своего парня и лучшую подругу. Все наладится.

Я никогда еще не видела Карлу такой красивой. На ней зеленое с голубым облегающее (но не вульгарно обтягивающее) платье до середины икры. Зеленый с голубым не должны сочетаться, но не в этом случае – в нынешнем сезоне в моде смелые цвета (мне это сказала женщина в Агтапи, когда мы были на шоппинге). Я должна признать, Карла превзошла маму. Честно? Она всегда всех превосходит. Карле нравится во всем быть лучше всех. Ей нужно быть самой худой, самой утонченной, самой быстрой, если они выходят на пробежку. Ее дети обязаны быть самыми умными. Слушайте, это просто мое мнение. Маме очень нравится Карла, но мне кажется, что она слишком все контролирует. Ну, знаете, она та самая мать, которая может точно сказать вам, сколько Меган набрала на еженедельном тесте по физике и кто был защитником в ее последнем хоккейном матче. У Меган есть два младших брата, двенадцатилетний Скотт и девятилетний Тедди. Карла следит за каждым их шагом. Она постоянно жалуется, как сложно быть матерью троих детей, но мне интересно, чем бы она занималась, если бы не жила ими?

По крайней мере, я не могу пожаловаться, что моя мама живет мной.

Джиллиан вежливо просит Хиткотов и Пирсонов сесть, два или три раза, но они все еще стоят. Вместо этого Патрик подходит к микрофону.

– Дамы и господа журналисты, – говорит он, что звучит немного чересчур, но он таким бывает. Он знает, что медленная, напыщенная речь заставляет людей выпрямиться и слушать. – Мы счастливы, что вся группа победителей все же может сегодня присутствовать здесь для проведения фотосессии, а не только представители синдиката, мистер и миссис Гринвуд.

Что?! Я не поняла! Я поворачиваюсь к родителям, которые выглядят так, словно их только что переехал автобус. Никто, кажется, не знает, что происходит, и по залу разносится растерянное бормотание. Журналисты повторяют слова «синдикат» и «группа» снова и снова, эти слова как камни, вздымающие рябь на поверхности пруда. О чем это он?! Это уже не синдикат. Они выбыли!

Мама открывает рот, но слова не выходят, слышится только тихий выдох. Она берет меня за руку, а другой рукой обнимает Логана за плечи, но этот жест не успокаивает – он меня пугает. Она ведет себя так же, как когда ей нужно было сказать мне о смерти бабушки Гринвуда. И я тоже веду себя похоже. Мой мозг стал словно намокший хлопок – тяжелым и медленным.

– Идите на хрен, – говорит папа. – *Никакие* вы не долбаные победители. Мы *не* синдикат. «Дамы и господа журналисты» внезапно превращаются из апатичных, пожирающих пончики ленивцев в дергающихся голодных зверей, вынюхивающих историю. Намного ближе к тому, как я представляла себе журналистов, но это слегка пугает. Они вскакивают на ноги и начинают осыпать нас вопросами.

– Значит, это групповая победа? Вы победили вшестером? – громко вопит один из журналистов. Это по сути тот же вопрос, который задают все, поэтому народ затихает и ждет ответа.

– Нет, победителей, мать его, не шесть, – орет в ответ мой папа. Обычно он так много не ругается. То есть если он ударяет по большому пальцу молотком, у нас вянют уши, но в основном при мне и Логане он старается не употреблять слова, которые мы постоянно слышим в школе. Мне не нравится видеть, как он выходит из себя. Я не думаю, что это поможет, а у меня есть ощущение, что нам нужна помощь. Часть журналистов что-то записывают у себя в блокнотах. Не думаю, что это хорошо.

– Мы вместе участвовали в лотерее пятнадцать лет и четыре месяца, – громко говорит Патрик, хоть никто его не спрашивал. Он звучит спокойно и взвешенно. Властно. – Мы группой покупали билет каждую неделю все эти годы, – он держит Карлу за руку, она улыбается в камеры (она очень фотогеничная).

– Это неправда, – настаивает папа.

– Что неправда? – спрашивает Патрик. Он с улыбкой поворачивается к моему отцу. Но это лживая, очевидно неискренняя улыбка. Как на это может кто-то купиться? – Разве мы не были синдикатом пятнадцать лет подряд?

О нет. Я уже вижу приближающуюся катастрофу. Это такой классический ход. Я наблюдаю его в школе все время. Но я не могу предупредить папу. Он попадаетея прямо в капкан, признавая:

– Ну, да.

– И разве мы не всегда выбирали одни и те же номера?

Папа кивает и пытается сказать что-то еще. Он запинаяется. Через зал летит его слюна, но не слова, потому что Патрик плавно поворачивается обратно к журналистам, победно улыбаясь, будто все доказав.

– Но вы вышли из синдиката за неделю до выигрыша, – возражает папа.

Лица Хиткотов и Пирсонов приобретают образцовые выражения непонимания и удивления. Карла цокает языком, качая головой. Дженнифер опускает глаза в пол, как будто ей стыдно за моего отца, и скромно склоняет голову на бок. Затем Фред довольно сильно хлопает моего отца по спине:

– Хорошая шутка, старик, но уже хватит.

– Я, нахер, не шучу, – кричит папа.

– Перестань ругаться, Джейк, – мама дотрагивается до его руки. Он смеряет ее убийственным взглядом.

– Это все, что ты можешь сказать? Ты переживаешь, что я матерюсь, пока эти ублюдки стоят здесь и пытаются нас обокрасть?

– Так, так, достаточно, – Джиллиан поднялась на ноги. Она жестом подает сигнал, и менеджер отеля быстро выводит нас с пресс-конференции в другую комнату. Хиткоты и Пирсоны следуют за нами, как и несколько работников отеля, предвкушающих приближающийся скандал. У них, наверное, еще не было такого отличного рабочего дня. Охрана выводит журналистов в фойе. Джиллиан будто бы разговаривает со всеми сразу.

– Мы сделаем полное заявление, прежде чем кто-либо пообщается с прессой. Я хотела бы попросить вас воздержаться от публикаций чего-либо онлайн или в печати, пока вы не получите это заявление, это очень бы нам помогло.

Вероятно, она обращается к лучшей стороне их натуры, надеясь, что, полакомившись пончиками, местная пресса проявит великодушие, но я задумываюсь, что в этом случае предусмотрено законом. Все сказанное было в рамках пресс-конференции, поэтому они, наверное, могут опубликовать что хотят, и минимум один из них, скорее всего, так и сделает.

Как только мы оказываемся вне зоны видимости журналистов, Патрик набрасывается на папу. Это очень страшно.

– Что это за гребаная игра, Джейк? – спрашивает он. Он толкает папу к стене, держа его за шею. Лицо Патрика побагровело. Он очень хороший актер. Он постоянно оглядывается, убеждаясь, что работники отеля наблюдают за этим представлением. Они кажутся напуганными. Я ищу глазами двух охранников, но они выводят журналистов с территории. Патрик выглядит по-настоящему взбешенным, я никогда не видела такой незамутненной жестокости и злости на человеческом лице. Папа намного спортивнее Патрика, и я жду, что он его оттолкнет, но он просто презрительно смотрит на него. Это, кажется, злит Патрика еще сильнее. Он усиливает хватку на папином горле.

– Отпусти его! – кричит мама, бросаясь вперед. Я обхватываю руками Логана, чтобы он не вмешивался, а еще потому что мне очень нужно обнять его. Потом Фред приходит в движение. Он грубо хватается Патрика за плечи и оттаскивает от папы. Думаю, у него это получается потому, что никто из нас не ожидал, что Фред вмешается, он очень скромный человек. Я расслабляюсь, чувствуя огромное облегчение и благодарность. Фред все уладил. Но затем – шок – Фред ударяет папу в живот!

– Козел, – рычит он.

Папа падает, как мешок картошки. Мама бежит к нему и загораживает его собой.

– Господи, Фред, что ты себе думаешь? Прекрати! – вопит она. Ни Дженнифер, ни Карла ничего не говорят своим мужьям. Дженнифер спокойно подходит к столу с охлажденной водой и стаканами, аккуратно наполняет один и протягивает моему папе.

Взрослые просто чертовски странные.

Мама встает и отступает от папы. Наверное, она думает, что все кончено и он теперь в безопасности, но Патрик хватается папу за воротник пиджака и поднимает его на ноги. Папа не может нормально дышать после удара, но он пытается выглядеть крутым.

– Полегче, полегче, друг, – говорит он, успокаивающе поднимая руки и показывая, что он сдастся. Что он благоразумен и с ним поступили неправильно. Я отчаянно оглядываюсь. Почему никто не помогает?! Патрик усиливает хватку, яростно трясет папу, как терьер – крысу.

– Мы не друзья, – твердо говорит он. Когда он отводит кулак, я думаю, что он тоже ударит папу. Удар Фреда был шокирующим, он повалил папу, потому что тот его не ожидал. Я боюсь, что удар Патрика будет намного хуже и болезненнее. Он коренастый мужчина. Сейчас он похож на жестокую маленькую бочку, которая может перекатиться через что угодно на своем пути и уничтожить это. Его лицо искривлено жуткой яростью. Я начинаю кричать, и все поворачиваются ко мне. Они, похоже, удивлены, что мы с Логаном здесь. Я думаю, они забыли о нас. Я словно привела всех в чувство, и менеджер отеля выбегает из комнаты – надеюсь, за помощью.

– Прекратите, пожалуйста. Отпустите его, – умоляет Логан, теперь заливающийся слезами.

– Вот что получается, когда переходишь дорогу большим парням, – рычит Патрик. – Тебе нужно это знать.

Мне кажется, Патрик обращается к Логану, но смотрит он на папу.

В этот момент в комнату входит Джиллиан. Менеджер отеля маячит возле нее, не зная, что делать. Меня тошнит.

– Отпустите его немедленно, или я вызову полицию, – приказывает Джиллиан.

– Почему бы вам этого не сделать? – блефует Патрик, но тут же отступает от папы. Мы с Логаном бросаемся к нему, обнимая.

– Лекси, Джейк. Я позвонила вашему адвокату, она будет здесь через двадцать минут, – говорит Джиллиан.

– О, я не думаю, что нам нужны адвокаты, – подает голос Дженнифер. – Мы все здесь друзья, не так ли?

– Да ну? – огрызается мама. – Как вы съездили к сестре Фреда на прошлых выходных? Дженнифер выдерживает мамин взгляд, но не отвечает. Мама поворачивается к Фреду.

– Твоя жена сказала мне, что вы уезжаете, но это неправда, не так ли? Вы не уехали.

Фред выглядит растерянным и не знает, что сказать.

– Поэтому вы лжете про синдикат? – спрашивает Карла. Судя по всему, ее не смутило, что муж только что повел себя как какой-то отморозок. Это же было ужасно, отвратительно! Почему ее это не задело? Она просто продолжает допрашивать маму. – Твои чувства задело, что они не пригласили вас на ужин однажды вечером, и теперь вы пытаетесь выгнать нас из синдиката. Лжете. Крадете у нас миллионы.

– Нет! – горячо говорит мама. – Ну, да.

– Да, вы лжете! – Патрик бросает победный взгляд на Джиллиан. – Хорошо, что ты призналась, Лекси, теперь давайте решим все по-честному.

– Нет, нет, я не вру. Я просто говорю, что да, меня это задело. Вы ушли из синдиката. Вы нам не друзья. Я знаю, что вы за люди, – мама не кричит, она выглядит разбитой, и я почти уверена, что она вот-вот заплачет.

Джиллиан кладет свою ладонь на мамину руку:

– Так, Лекси, Джейк, я советую вам перестать разговаривать, пока не приедет ваш адвокат, и тогда мы сможем докопаться до сути.

– Думаете, вы можете это проверить? – спрашивает папа, максимально игнорируя Джиллиан.

– Мы просто требуем то, что принадлежит нам по праву. Мы не пытаемся ничего проверить, – чопорно говорит Карла.

– Но вы отказались от лотереи. Вы сказали, это низкосортно, – запинаясь мама. Я слышу праведное возмущение в ее тоне, но не знаю, поймут ли это другие или просто решат, что она звучит немного пискляво.

– Я такого не помню, – насмешливо говорит Патрик. – Ты меня удивляешь, Лекси. От него... – он указывает на папу, – я ожидал столь низкого поступка, но не от тебя.

– Лекси купила билет, – настаивает папа.

– За этим стоял негласный договор, – возражает Фред. Он смотрит прямо на папу. – Вы мне много должны, – он красный, как помидор, скорее всего потому, что он врёт – не думаю, что это дается отцу Ридли легко, но это сейчас срабатывает ему на пользу. Если вы его не знаете, вы могли бы подумать, что он говорит честно. – Ты, может, и купила билет, Лекси, но у нас был общий котел. Мы все скинулись, как обычно.

Поверить не могу. Я смотрю, как все бывшие друзья моих родителей разом изображают сложные выражения лиц, передающие их сожаление и разочарование в маме! Они выглядят совсем невинными и честными. Серьезно, они, должно быть, репетировали! Мама выглядит так, словно ей хочется ключьями рвать на себе волосы, она, наверное, хочет разбить им головы о стену (мне точно этого хочется). Они врут, подлые мошенники!

Мама поворачивается к папе, падает ему на грудь, теряя контроль, поддаваясь истерике. В отчаянии она раздражается слезами и кричит:

– Просто потому, что вы что-то говорите, это не становится правдой!

И я думаю о Ридли. О его руке на внутренней стороне моего бедра. О том, как поднималась и опускалась его грудь от быстрого, возбужденного дыхания, когда мы двигались в унисон. «Я знаю, что делаю, все хорошо».

Я никогда не чувствовала себя более одинокой. Мама права. Просто потому, что ты что-то говоришь, это не становится правдой.

12

Лекси

Вторник, 30-е апреля

Комната забита разодетыми мужчинами и женщинами. Это маленькое, тесное помещение. Слишком много запахов духов и средств после бритья смешиваются друг с другом. Это одурманивает. Все одаряют меня дежурными, отработанными улыбками, столь мимолетными, что они исчезают до того, как полностью появятся. Мне протягивают руки. Никаких потных ладоней или раздражающе слабых рукопожатий, никто не пытается показать власть, сжав мою руку слишком сильно. Все это очень отточено, эти люди знают, как все делать правильно. Это заставляет меня нервничать больше, а не меньше. Я хочу, чтобы кто-то сделал ошибку. Я ищу глазами зацепки на колготках, незастегнутые ширинки, но, конечно же, их нет.

Наш адвокат – мисс Уолш. Это стройная женщина за тридцать. Она выглядит так, будто ее может унести ветром, но, когда мы с Джейком встретились с ней в день той ужасной пресс-конференции, меня поразили ее быстрый ум и практичный подход. Она сохраняла спокойствие, чем мне понравилась. Она человек, который просто хочет закончить имеющуюся работу. С тех пор, как мы выиграла в лотерею, люди вокруг нас обычно взволнованы – либо восхищаются нами, либо презирают. Приятно для разнообразия встретиться с таким нейтральным отношением.

От лотерейной компании двое людей: Джиллиан и незнакомый мне мужчина.

– Мик Хатч. Мой начальник, – говорит Джиллиан, указывая на него большим пальцем, притворно кривясь, и это дает мне понять, что они испытывают друг к другу симпатию и уважение.

Мужчина за пятьдесят, которому идеально подходит описание «бледный и черствый», представляется:

– Терренс Эллиотт, старый друг семьи Фреда и Дженнифер Хиткотов.

Это их адвокат. Да, и друг семьи тоже. Я познакомилась с ним в прошлом году на вечеринке в честь их двадцатой годовщины свадьбы. Мы несколько минут говорили об адвокатах-стервятниках, но он явно меня не помнит. Все друзья семьи Хиткотов бухгалтеры, юристы, доктора.

В комнате еще трое адвокатов. Все они держатся надменно, самодовольно, это несомненно люди, которые привыкли побеждать. Мистер Пайпер-Данн, мистер Каплин-Хадсон и мисс Чен-Инь представляются адвокатами Патрика и Карлы Пирсонов. Хотя у меня хорошая память на имена, эту троицу я не запоминаю и просто прозываю их Двустволка 1, 2 и 3. Три. Три! У них *три* адвоката. Это у нас миллионы на счету, но у них три адвоката. Я чувствую себя незащищенной и неподготовленной.

– Вы не против, если я запишу наш разговор? – спрашивает Двустволка 3.

Я смотрю на своего адвоката. Она ободряюще улыбается.

– Лекси, здесь все на добровольной основе. Не забывайте об этом.

– Вы не под арестом, – вставляет Джиллиан. Ее тон намекает, что она шутит, но я округляю глаза. Джиллиан видит мой страх и быстро добавляет:

– Никто не под арестом. Мы просто пытаемся разобраться в ситуации, – она сжимает мою руку.

Я глубоко вдыхаю и пытаюсь не паниковать. Это серьезное разбирательство. Я никогда не нарушала закон, и мне не нравится даже малейшее предположение, что я это сделала. Мне нужно оставаться спокойной и сконцентрированной. Мне бы хотелось быть в одном из моих

новых платьев – за эту неделю я купила три, – но с утра я просто надела первое, что попало под руку: джинсы, футболку, кроссовки. Внезапно я начинаю беспокоиться, является ли мисс Уолш, *мой* адвокат, на самом деле *моим* адвокатом. Ее предоставила нам лотерейная компания. Представляет ли она мои или их интересы? Есть какая-то разница? До пресс-конференции я бы сказала, что нет. Теперь мне ясно, что мир всегда делится на нас и них. Нужно просто понять, кто в какой команде.

Мне нужно собраться, взять все под контроль. Вести себя, как на работе, где я всегда борюсь за обиженных, борюсь за правду и честность. Возможно, я добьюсь справедливости. Только это имеет значение. Они должны мне поверить.

– Ладно, мне нечего скрывать. Я не против, чтобы вы записали разговор.

Все расслабляются. Я дала правильный ответ.

Я знаю, что я не под арестом, но мне есть что терять. *Много чего*. Люди лживые. Изменчивые. Отчаянные. Это опасно. Лжецы все подрывают. Лжецу нельзя верить, его нельзя узнать. Пытаться это сделать – утомительно. Бессмысленно. Люди поступают плохо, совершают ошибки – это беспокоит меня меньше. До тех пор, пока они признают свои ошибки и неудачи. Если люди признают ошибки, ты, по крайней мере, знаешь, с чем имеешь дело, и можешь попытаться их простить.

Может быть.

Но ложь? Что ж, ложь разрушает реальность и историю. И будущее.

Комната не только маленькая и простая – она еще и слегка грязновата. Совсем не похожа на тот роскошный зал, где мы проводили пресс-конференцию в пятницу. Это место намного больше напоминает комнату, куда я отвожу своих клиентов в Бюро. Функционально. Малобюджетно. Я должна бы чувствовать себя более комфортно в такой знакомой обстановке, но мне кажется, что я сижу не на той стороне стола. Может, всего за десять дней я уже привыкла к лучшему окружению?

Стол шаткий и поцарапанный. Не надписями, а просто от бездумной небрежности или равнодушия. Вокруг него расставлены жесткие стулья, а на нем – пластиковые стаканчики, наполненные водой из кулера в углу. Я не одобряю использование одноразового пластика, но сейчас не время становиться борцом за экологию. У меня потеют ладони. Пересыхает в горле. Я отпиваю глоток воды.

– Итак, что вам от меня нужно?

Джиллиан подбадривающе улыбается:

– Пожалуйста, можете своими словами в подробностях рассказать о вечере субботы, тринадцатого апреля 2019-го? То есть за неделю до выигрыша.

– В ту неделю, когда, как вы заявляете, Пирсоны и Хиткоты вышли из синдиката, – добавляет Двустволка 2. Мне не нравится, что он говорит «заявляете».

– С чего мне начать?

– С чего хотите. Расскажите нам все, что вам кажется значимым. Опишите обстановку, если вам это поможет, – она нажимает кнопку записи на своем телефоне.

Я не знаю, насколько далеко в прошлое уходить. Наша компания дружила много лет, а я верила в магию субботнего вечера еще дольше. А Джейк? Ну, Джейк вообще чуть ли не всегда был со мной. Мы познакомились в университете, где я получала степень по социологии и социальной политике, а он изучал индустриальную экономику. Мне было восемнадцать, а ему – девятнадцать. Мы с ним были «нами» всю мою взрослую жизнь. Я обожаю субботние вечера. Всегда обожала. С подросткового возраста. Для меня они – символ бесчисленных возможностей, свободы. Не то чтобы у меня была бурная молодость, совсем нет. В школе и университете я была неизменно совестливой тихоней. Я училась в будние дни, а по пятничным вечерам подрабатывала няней. По воскресеньям навещала моих бабушку с дедушкой. Именно поэтому я жила ради отдушины, освобождения от обыденности, которые давали мне субботние вечера.

Что могло быть лучше домашних вечеринок, где я тискалась с мальчиками и пила сидр со смородиной, пока меня не тошнило или я не совершала глупость? Где я танцевала под Take That и Мерайю Кэри и мечтала о будущем, которое в моем представлении было счастливым, значимым, важным?

Даже когда мне было за двадцать, я редко пользовалась «счастливыми часами» в будние дни. Мы с Джейком предпочитали рано ложиться, пока наши друзья носились по городу в поисках секса на одну ночь. Мы были друг у друга и не интересовались походами по пабам и барам ради знакомств с сексуальными незнакомцами. Не то чтобы мы были скучными – мы были молодыми. В те времена рано ложиться в кровать не означало, что мы заснем. Этим все сказано.

Но мы оба смаковали субботние вечера, когда наряжались и выходили с компанией потанцевать в разных дешевых ночных клубах, пока у меня не начинали болеть ноги. Мы выпивали достаточно, чтобы нам хотелось петь песни на улице по дороге домой. Все меняется, когда у вас появляются дети. Это не хуже – просто по-другому. В последние пятнадцать лет будничные вечера были поглощены нескончаемым потоком готовки, купания, чтения сказок, а потом, когда дети стали старше, присмотром за выполнением домашних заданий, сопровождением их к друзьям и обратно, домашними делами. В общем, взрослой жизнью. Но субботы остались веселыми. В основном благодаря нашей дружбе с Хиткотами и Пирсонами. Нашими лучшими друзьями. Как мне начать все это объяснять?

– По субботам мы собирались компанией. Мы ужинали, немного выпивали.

Мы рассказывали друг другу смешные истории о наших начальниках, семьях, других родителях из школы. На самом деле, мы делились довольно заурядными событиями, но из-за того, что мы копили новости целую неделю, истории становились очень даже смешными. Припоминаемые инциденты могли изначально быть раздражающими, печальными, возмутительными, но они превращались в веселые анекдоты. Тогда мои плечи расслаблялись, я прекращала беспокоиться о неспособности Джейка найти работу, которая его по-настоящему вдохновляла бы, или о том, что я упустила подходящий момент, чтобы поставить Эмили брекетты, или о том, выберут ли Логана в школьную футбольную команду, и просто... расслаблялась. И смеялась. Вслух. Иногда так, что у меня болели бока.

– Кто именно входит в эту компанию? – Двустволка 1 произносит «компанию» так, будто я возглавляю мафию.

– Карла и Патрик Пирсоны, Дженнифер и Фред Хиткоты, Джейк и я. Мы хорошо друг к другу относимся. Мы друмя, – добавляю я.

– Друмя? – он вскидывает бровь.

– Я нас так называю. Думаю, я придумала это слово. Мы часто говорили, что мы больше семья, чем друзья. Мы познакомились на занятиях для будущих матерей, когда готовились к рождению наших первенцев, это было уже больше пятнадцати лет назад.

– Вау, – говорит мой адвокат.

Я киваю. Я привыкла, что людей впечатляет долгосрочность нашей дружбы. В мире, где все мимолетно и нестабильно, где новости передаются в 140 символах, а национальные достоинства находятся в центре внимания всего неделю, долгосрочность востребована. Пятнадцать лет дружбы что-то значат.

По крайней мере, должны.

– Время летит, когда тебе хорошо, – комментирует Джиллиан.

Я соглашаюсь:

– Пролетает незаметно, и все же никто из нас не может даже вспомнить времена, когда мы не были знакомы. Понимаете? Иногда кажется странным, что мы не учились вместе в университете, не говоря уже о том, что не присутствовали друг у друга на свадьбах.

– Значит, можно утверждать, что вы близки? – спрашивает Двустволка 2. Его вычурная чернильная ручка занесена над бумагой.

– Да, мы близки. Или, по крайней мере, были до... – я замолкаю.

Мы поддерживали друг друга во время родов, выкидышей, повышений, увольнений, переездов, появления новых щенков и даже потери родителей. Во время каждой победы и поражения. Хоть последняя серия «Друзей» вышла за год до нашей встречи, влияние сериала все еще было сильным. Мы никогда бы этого не сказали, потому что это звучит глупо, но, мне кажется, на каком-то уровне мы всегда представляли себя более взрослой британской версией молодых людей, болтавшихся на Манхэттене. Друмья.

Все взгляды в комнате обращены ко мне, пока я пытаюсь сдержать слезы. От случившегося так грустно. Деньги – это восхитительно. Деньги портят. Разрушают вещи. Мне нужно еще дальше вернуться в прошлое. Прошлое безопасно.

– Когда мы познакомились, мы все жили в Лондоне. В Клапеме. Мы вшестером сформировали лотерейный синдикат, когда наши первенцы были еще очень маленькими и мы были привязаны к дому, потому что найти надежных нянь в Клапеме на субботние вечера было примерно так же маловероятно, как найти эликсир вечной молодости, – я с надеждой поднимаю глаза, но никто не реагирует на мою шутку. Я шучу, когда нервничаю. Эту привычку часто неправильно трактуют. Я продолжаю:

– Это случилось, когда мы начали по очереди устраивать ужины. Те вечера в основном представляли собой лихорадочное балансирование между плачущими детьми и плохо приготовленной едой, но нам было все равно, для нас это являлось социальной жизнью. Тогда Дженнифер с Фредом объявили о своем намерении переехать обратно в Бакингемшир, как раз перед рождением Ридли.

Они убедительно перечислили все преимущества этого шага. Мы все жили в одно- или двухкомнатных квартирах в Лондоне, а Дженнифер повторяла, что в Баксе мы могли бы купить дома приличного размера со смежной стеной – или даже отдельные, но нуждающиеся в ремонте. Кроме того, в Баксе были впечатляющие младшие школы со смешанным обучением. Что-то вроде частных, но бесплатно. В то время я еще только пыталась разобраться с подачей заявок на занятия «Музыка Обезьянок»³, но Дженнифер настаивала, что нужно думать наперед. Железнодорожное сообщение позволяло быстро добраться до Лондона, так что расположение не ограничило бы карьерные амбиции мужчин – да и тех женщин, которые хотели продолжить работать (только я). У Дженнифер и Фреда там жили родственники, поэтому у них был бы доступ к надежному присмотру за детьми, и, хоть это не относилось к остальным, Дженнифер клялась, что ее мама готова стать «бабушкой для всех».

– Патрик и Карла переехали всего через полгода после Фреда и Джен. Они обосновались в той же деревне, Грейт Честер. Мы решили присоединиться к нашим друзьям и уехать из города, только когда не смогли найти нормальный детский сад для Логана, – объясняю я.

К сожалению, рынок недвижимости процветал во время нашего переезда, и мы получили не такой хороший дом за наши деньги, как надеялись. Мы устроились в Литтл Честере, в нескольких милях от Грейт Честера, которому он по всем пунктам проигрывает. И все же в нем есть паб, почтовое отделение и небольшой продуктовый магазин. Да, мы не живем в одном из милых, окруженных глициниями коттеджей на главной улице – мы живем на окраине деревни в построенном в 1990-х смежном доме с тремя спальнями, но я никогда не жалела о переезде.

Или почти никогда.

Признаюсь, здесь не так много развлечений, как в пульсирующей столице Соединенного Королевства: меньше магазинов, театров, галерей, но мы сами себя развлекаем.

---

³ Развивающие музыкальные занятия для детей до четырех лет.

– Мы быстро выработали рутину. Когда дети были маленькими, мы часто собирались на незапланированные игровые посиделки в течение недели. Теперь такого не бывает. Дети сами договариваются о встречах, а я работаю. Но мы сохранили традицию встречаться в большинстве субботних вечеров, вместе с мужьями. Иногда мы устраиваем что-то вроде званных ужинов, а иногда просто приносим жирные пакеты с фиш-энд-чипс. Не замораживаемся.

– Как часто вы встречаетесь?

– В три субботы из четырех. Мы по очереди ходим друг к другу в гости. Одни выходные в месяц мы проводим вечер по отдельности, просто с семьей или с другими людьми.

Такие «выходные» полезны, необходимы, чтобы мы продолжали ценить друг друга.

– И вы участвовали в лотерее в те выходные, когда ужинали вместе? – спрашивает мисс Уолш.

– Мы участвовали в ней *каждую* неделю. Это была одна из моих любимых вещей в выходные. Даже несмотря на то, что я всегда считала, что это немного глупо, мечтательно, невозможно. Наверное, *из-за* этих вещей.

– Ну, не невозможно, – вставляет Джиллиан. – Вы это доказали, – она улыбается мне.

– Маловероятно, – исправляюсь я.

– Вы когда-нибудь что-то выигрывали до этого?

– Мы дважды выиграли двадцать фунтов.

– Как вы разделили выигрыш?

– Мы потратили его на заказ еды для следующей недели, – я понимаю, к чему ведет Двустволка 1, но это не имеет значения. Прошлое не имеет значения. Я продолжаю, пытаюсь не позволить ему помешать мне. – Когда розыгрыш все еще показывали по телевизору, мы вместе смотрели шоу. Просто ради веселья. Это была традиция.

По крайней мере, для меня. Это была одна из объединявших нас вещей. Как смотреть на фейерверки в Ночь Гая Фокса или встречать Новый год. Мы всегда это делали. Это доказывало, что мы близки. Что мы компания.

– Когда шоу перестали показывать, кто-то иногда вспоминал включить новости и ждал, пока в конце объявят номера, но новости обычно портят всем настроение, и наш вечер на этом заканчивался. Поэтому чаще всего, пока мы ждали десерт, Джейк подглядывал на YouTube и объявлял: «Не на этой неделе». Что обычно вызывало волну шуточных стонов и утверждений: «В следующий раз!»

Двустволка 1 покашливает и говорит:

– Так, давайте сфокусируемся на субботе тринадцатого в частности, ладно?

– Гостей принимала я.

Несколько дней стояла сухая погода и было чувство, что лето вот-вот наступит. Лето – мой любимый сезон. Я раскрываюсь. Зиму надо пережить, вся надежда только на минимальное количество простуд и бесполезных подарков, которые нужно «вернуть» после Рождества.

– Я планировала подать напитки во внутреннем дворике. Это был тематический вечер. Мексиканский. Я сделала коктейли «Маргарита». Крепкие. И купила Corona и Sol.

– Звучит как настоящая вечеринка.

Я ощущаю критику в словах Двустволки 2 и ошетиливаюсь:

– Таким вниманием к деталям я показываю, что мне не безразлично. Я даже попросила Эмили скачать мексиканскую музыку.

Это была такая музыка, от которой хочется покачивать бедрами.

– Музыка играла на полную, когда Карла позвонила и сказала, что Меган не придет.

– Меган – это одна из детей Пирсонов?

– Старшая. У Карлы и Патрика трое детей. Меган пятнадцать, как Эмили, а еще есть Скотт и Тедди. Им двенадцать и девять. Эмили с Меган лучшие подруги. Сына Хиткотов зовут Ридли. Они с Эмили встречаются.

– Очень мило, – комментирует Двустволка 3.

Это не звучит как комплимент. Похоже, будто она обвиняет нас в инцесте или вроде того. Да, лучшая подруга моей дочери – это дочь одной из моих лучших подруг, что может быть более естественным? А ее парень – сын другой моей лучшей подруги. Как прекрасно! Это же хорошо.

Или, по крайней мере, было хорошо. Бедная Эмили.

– Похоже, у вас был очень веселый вечер, – ободряюще говорит Джиллиан.

– На самом деле нет, – признаю я со вздохом. – Несмотря на все мои усилия, к моему разочарованию и, на тот момент, замешательству, я не думаю, что мои гости чувствовали себя уютно. Вечер скорее полз, чем летел.

– И почему, по-вашему, это произошло?

– Поначалу я понятия не имела. Не то чтобы натянутая беседа была результатом сдержанности родителей в присутствии детей. Мы не ждали Меган, но Ридли тоже не пришел. Из-за того что ни одного из них не было, Эмили не пришла за стол. Она просто заперлась у себя в комнате с тарелкой тостов и телефоном. Младшие дети как можно скорее проглотили свою еду и убежали играть в видеоигры. Джейк пытался начать разговор о работе, но Патрик сказал, что не хочет думать о «чертовом офисе» в выходной. Напряжение однозначно присутствовало. Что-то было не так.

– И вы поняли, что именно было «не так»? – спросила мисс Уолш.

– Нет, не сразу. Предположить не могла. Но потом это стало вполне очевидно. Атмосфера была напряженная, потому что они ополчились и решили отказаться от лотереи.

– И в этом была вся проблема? – спросил Двустволка 1. Он издал смешок, пропитанный недоумением. К нему присоединились Двустволка 2 и 3.

– Очевидно, раз все мы здесь, – я негодуяще оглядела их. Мне приятно смотреть, как улыбки сползают с их лиц.

– Но почему это было такой большой проблемой до выигрыша? Это просто игра, – настаивает Двустволка 1.

Джиллиан покашливает и ерзает на стуле. Она переглядывается со своим начальником. Работая в лотерейной компании, они лучше нас знают, что, если замешаны деньги, это никогда не «просто игра».

– То, что они хотели забросить лотерею, было символическим, – объясняю я.

– Что вы имеете в виду?

– Они бросали нас как друзей. По крайней мере, так это выглядело в наших глазах.

– Давайте придерживаться фактов, ладно? А не чувств.

Двустволка 1 – самодовольная жаба. Я напоминаю себе, что теперь могу купить и продать его, и это немного утешает. И все же я делаю, как он говорит. Итог нашей встречи решит, как много раз я смогу купить и продать его. Мне нужно сотрудничать. Они должны выслушать мою историю и поверить в нее.

13

Лекси

– Фред говорил о... ну, о чем-то, я не помню, о двигателе в его машине? О давлении в шинах? Было неинтересно, а потом Джейк перебил его, объявляя, что мы не выиграли в лотерею. Как он делает почти каждую неделю. Но в тот вечер его слова создали странную атмосферу. Напряжение будто повисло в воздухе. Наверное, никому не нравится слышать, что они в чем-то проиграли, даже если они никогда по-настоящему не ожидали выигрыша, – я пожимаю плечами. Кто знает? Люди странные. – Я прервала молчание, напомнив всем, что

пора снова скидываться. Я собираю по пятерке с каждой пары раз в несколько недель. Так как каждая игра стоит два фунта, этого хватает на какое-то время.

– И все всегда платят заблаговременно? – спрашивает мисс Уолш.

– Иногда я забываю собрать деньги, но все равно покупаю билеты. Я так и делала предыдущие две недели до того вечера. Это всего пара фунтов. Я упомянула про деньги только чтобы что-то сказать. Но затем Патрик спросил: «Зачем мы вообще играем в лотерею?» Он покраснел, говорил громко. «Какой в этом чертов смысл?» – спросил он. Он был разозлен. Я не понимала, почему он просто не достает свой кошелек и не передает мне деньги. Наверное, это из-за выпивки. Я не хочу говорить о нем плохо, но факт есть факт. Патрик выпил два коктейля и осушил бутылку красного вина еще до того, как я подала основное блюдо. К этой части вечера он ужепил чистый виски. Ту бутылку моя мама подарила Джейку на день рождения, – я смотрю на Джиллиан и мисс Уолш. – Я думала, может, Патрик, что-то забыл из-за того, сколько он выпил. Я хочу видеть в нем только хорошее, понимаете?

Джиллиан снова сжимает мою руку, а моя адвокат кивает и спрашивает:

– По вашему мнению, Патрик в тот вечер выпил больше обычного?

– Думаю, да. Не беспрецедентно много – мы все видели друг друга и в худшем состоянии за прошедшие годы, – но да, если подумать, он, наверное, выпил больше обычного. И Фред тоже, кстати. Но с ним легко, когда он напивается. Он просто начинает дремать сидя.

– А с Патриком нелегко, когда он выпьет? – уточняет мисс Уолш.

– Алкоголь делает его раздражительным.

Я прерываюсь, а потом признаю:

– Да он такой и без него. Мы все свыклились с его вспыльчивостью. С его агрессивностью.

Мы с Джейком думали, что Патрик, возможно, немного перенапрягается.

– Перенапрягается? Вы имеете в виду, на работе? Или финансово?

– Вероятно, и то и другое. Я не знаю наверняка. В школе просто ходят слухи.

– Вы можете объяснить подробнее?

– Я не хочу озвучивать догадки. Когда я услышала сплетни, я просто отмела их. Это тяжело представить. Патрик и Карла всегда были успешны в финансовом плане. Большой дом, два раза в год ездили на отдых. Патрик много куда руки запустил, он постоянно говорит о своих инвестициях. У Дженнифер с Фредом тоже хороший достаток, хотя они меньше обсуждают деньги. Фред утверждает, что его работа скучная, и он редко упоминает о ней – помимо того, что его начальник – козел. Мы же просто сводили концы с концами, пока не выпали наши номера.

– Что случилось потом?

– Мы начали обсуждать, как потратили бы деньги, если бы выиграли. Просто шутили.

Тогда Патрик стал вести себя довольно скверно.

– Скверно?

– Он закричал: «Завязывайте с этим дерьмом. У меня от этого трепа про выигрыши в лотерею болит голова». Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что у него могут быть финансовые проблемы, и поэтому он все это выдумал. Мне почти его жаль, – я смотрю прямо на Двустволку 1. – Вам нужно знать, даже если деньги бы поделили на троих, для нас это огромная сумма. Мы бы не оставили себе деньги, если бы они принадлежали им по праву. Но я не тряпка. Я не собираюсь просто раскошелиться после того, как они оскорбили Джейка.

– Оскорбили его? – спросила мисс Уолш.

– Патрик сказал, что лотерея – это низкосортно, что она для неудачников, – я бросаю извиняющийся взгляд на Джиллиан и Мика Хатча. – Он не останавливался. Он сказал, что участвовал в этом, только чтобы подыграть Джейку. Он вел себя очень снисходительно. Очень оскорбительно. Разглагольствовал о том, как Джейку нравится встряска, как будто у Джейка зависимость от азартных игр. Он постоянно возвращался к своим словам о низкосортности.

Он вел себя как настоящий сноб. Все говорил о людях, получающих пособие – он их называл «нахлебниками», – и сравнивал участие в лотерее с тем, чтобы ходить без рубашки в публичных местах или иметь татуировку.

– Ну, ничего из этого не является нарушением закона, – резко заметила Джиллиан. У нее на запястье вытатуирована маленькая птичка.

– Я знаю. У Джейка есть татуировка. Было ясно, что имел в виду Патрик. Что *мы* низкосортные. Я пыталась говорить с ним рационально. Я напомнила ему, что Ассоциация родителей нашей школы проводит розыгрыш каждый семестр. Это то же самое. Я спросила его, почему он неожиданно изменил свое мнение после стольких лет.

– Да, именно об этом я хотел спросить, – вызывающе сказал Двустволка 2. – Это странно.

– Ну, наверное, люди меняются, – я глубоко вдыхаю и гляжу на стаю адвокатов, сидящих напротив. – Послушайте, здесь нет места сомнениям. Он очень ясно высказался по этому поводу. Он сказал, что не хочет портить веселье, но они собираются бросить лотерею.

– Они? И мистер, и миссис Пирсоны покинули синдикат?

– Да. Она всегда делает, как он. Она сказала: «Вряд ли мы когда-либо сорвем большой куш». Это ее слова. Иронично.

– А мистер и миссис Хиткоты? – спрашивает их адвокат, мистер Эллиотт.

– Они в основном молчали во время ссоры. Фред засыпал на стуле, но, когда Пирсоны уходили, они тоже встали. Джейк прямо спросил их, будут ли они участвовать дальше.

– И как они ответили?

– Я отчетливо это помню. Фред сказал: «Я думаю, это надо оставить в прошлом, старик». Я так хорошо это запомнила, потому что фраза вызвала у меня раздражение, обращение было смешным. Джейк не старик, а Фред не какой-то хам из второсортного фильма 1940-х. Я вызвалась принести его пальто.

14

Когда Карла Пирсон вошла в комнату, все мужчины поднялись на ноги. Это значило, что женщины чувствовали себя обязанными сделать то же самое. Карла была очень привлекательной, из тех, для кого другие придерживают дверь, складывают покупки в пакеты, прилагают дополнительные усилия. У нее был плоский живот, шелковистые волосы, подозрительно гладкий, без морщин лоб – ничто в ней не выдавало мать троих детей, перевалившую за сорок.

– Миссис Пирсон, спасибо, что согласились поговорить с нами, – сказала Джиллиан.

Карла улыбнулась своей куче адвокатов. Патрик настоял на том, чтобы нанять троих, он сказал, что это припугнет Гринвудов. Он заметил, что для них это не проблема, ведь у них все равно уже имелись штатные адвокаты, так как его работа требовала много юридического внимания. По его словам, он знает, что делает, и Карле пришлось ему поверить.

– Пожалуйста, зовите меня просто Карла. Нам не нужно соблюдать формальности, не так ли?

– Что ж, на самом деле, я считаю, лучше их соблюсти, – ответила Джиллиан с вежливой решительностью. – Вы понимаете, это совершенно добровольно.

– Я хочу здесь находиться. Я хочу сказать свое слово, – Карла села и закинула ногу на ногу. В ее струящейся юбке был разрез, разошедшийся и приоткрывший подтянутую, загорелую кожу. – Хотя мне непонятно, зачем нужно устраивать огромное разбирательство. В этом нет ничего сложного. Мы образовали синдикат. Деньги нужно поделить на шестерых.

– На шестерых? Не на троих? – спросила мисс Уолш.

– Как угодно, – Карла махнула наманикюренной рукой.

– Вы можете рассказать нам о субботе тринадцатого апреля? Мы установили, что был званый ужин в доме Лекси и Джейка Гринвудов. Мы знаем, кто присутствовал. Мы хотим услышать от вас, как прошел вечер.

– Очень весело, – твердо сказала Карла.

– Весь вечер?

– Да. Мы много ели. Много разговаривали. Много смеялись.

– Можете вспомнить, о чем вы разговаривали?

– О, как обычно. О детях, о том, что происходит у них в школе, о планах на отдых.

– Вы поссорились?

– Нет, ничего такого.

– Никто не обменивался резкими словами?

– Нет, никто, – Карла пожала своими тощими плечами с утонченной беззаботностью. –

С чего бы? Мы дружим много лет. Мы редко ссоримся. Мы как семья.

– Семьи, которые я знаю, ссорятся, – заметил Марк Хатч. Все повернулись к нему. Это были первые слова, которые он произнес за время разбирательства. Люди забыли о его присутствии. Или гадали, почему он вообще присутствовал. Но его замечание было справедливым.

– О, но вы знаете, что я имею в виду. Мы друзья, которые друг другу почти как семья. Потому все это меня расстраивает. Я просто их не понимаю. Я не понимаю, как деньги могли встать между нами. Почему они просто не поделятся? – у Карлы на глаза навернулись слезы. Мужчины в разных степенях прониклись сочувствием к миссис Пирсон, от «слегка неуютно» до «искренне обеспокоены», а женщины в комнате недоумевали, как она могла сделать это по своему желанию.

– Лотерея вообще упоминалась? – спросил один из адвокатов Пирсонов.

– На самом деле да. Бегло. Лекси сказала, что нам пора скидываться, потому что кончились деньги. Она покупает билеты. Всегда покупала.

– И вы все скинулись? – спросил другой адвокат Пирсонов.

– Да. Да. Как только она попросила, я потянулась за своей сумкой. Патрик не носит с собой наличку. Я заплатила. Я внесла свою долю за тот выигранный билет.

– А есть контракт, подтверждающий существование этого синдиката? – спросила адвокат Гринвудов. Карле не нравилась эта женщина. Она была из тех, кто не пытается раскрыть весь свой потенциал, что по мнению Карлы было неблагоприятно.

– Нет, конечно нет. Друзья не заключают контрактов друг с другом.

– Есть хоть какие-то свидетельства в письменном виде? Сообщение? Письмо? – продолжила адвокат с кудрявыми волосами.

– Ну, нет, – признала Карла.

– А есть какие-то схожие свидетельства, подтверждающие расторжение этой договоренности? – спросил один из адвокатов Карлы.

– Нет, – она улыбнулась ему.

– Из того, как Гринвуды описали серьезность вашей ссоры, я думал, это заслуживало хотя бы сообщения, – он приподнял брови.

Карла подумала, что гонорары, которые Патрик платит адвокатам, оправданы.

– Не было сообщений о ссоре, потому что ссоры не было.

* * *

Мистер Эллиотт встал первым, когда в комнату вошла Дженнифер Хиткот. Он встал с такой скоростью, что из-за него другие адвокаты выглядели опоздавшими, даже если они уже поднимались на ноги.

– Дженнифер, рад встрече, – сказал он, наклоняясь через стол поцеловать ее в правую, а потом в левую щеку. Движение было грациозным, синхронизированным, их очки не столкнулись – они так приветствовали друг друга много лет подряд без неловкости или неуклюжести. Он явно был наполовину влюблен в нее – как некоторые мужчины наполовину влюблены в английские розы. В тех женщин, которых они, по их мнению, были обязаны защищать и охранять. В женщин, которых недооценивали из-за их блестящих глаз, розовых щек и почти полного отсутствия макияжа.

– Спасибо, что согласились встретиться с нами сегодня, миссис Хиткот, – вторила Джиллиан гораздо более нейтральным тоном. Она всех представила.

– Я сделаю все, чтобы помочь, – с энтузиазмом произнесла Дженнифер. Она широко улыбнулась, и казалось, что она меньше двух других опрошенных женщин понимает или, по крайней мере, беспокоится о серьезности ситуации. Дженнифер нравилось, что люди думали, будто у нее жизнерадостный характер. Свой железный стержень она прятала.

– Как вы уже знаете, есть расхождения касательно того, к чему вы все пришли вечером тринадцатого апреля в доме мистера и миссис Гринвудов. Мы опрашиваем всех, кто тогда присутствовал, чтобы определить, можно ли достичь какого-то консенсуса.

– Господи, да, конечно. Это что, настоящий допрос?

– Что вы имеете в виду, миссис Хиткот?

– Ну, я под арестом?

– А должны быть, миссис Хиткот? – спросила мисс Уолш, отрывая взгляд от своих записей.

– Ой, не глумитесь! Я? Нет. Я в этой ситуации не преступница.

– Ну, это еще нужно определить, – пробормотала мисс Уолш.

Мистер Эллиотт кашлянул:

– Давайте начнем? Итак, что вы помните о том вечере?

Дженнифер по очереди смотрела в глаза всем за столом, когда начала пересказывать события:

– Лекси очень постаралась. Это было немного непривычно. Иногда она просто покупает готовые ужины, ну, знаете, которые просто нужно разогреть, – она понизила голос до осторожного шепота. – Они чуть больше следят за деньгами, чем мы. Я не хочу звучать снисходительно, просто говорю. Им всегда приходилось больше экономить. Джейк до сих пор не нашел работу, которой посвятил бы себя. Он всегда скачет с одной на другую. Сейчас он продает эргономичные кресла или копировальные машины. Я не уверена. Но у них есть финансовые проблемы.

Джиллиан цокнула языком. Это возымело желаемый эффект, и Дженнифер сменила тему:

– В общем, в ту ночь Лекси выложилась по полной. Она сделала тематический мексиканский вечер. Приготовила чили с куриными тостадами и салат с сальсой и фасолью. Вкусно.

– Звучит чудесно, но, миссис Хиткот, не могли бы вы перейти к сути? – решительно сказала мисс Уолш.

– К сути?

– Синдикат. Вы помните, в тот вечер говорилось что-то касательно синдиката? Или лотереи?

– Мы говорим об этом каждую неделю. Та не стала исключением.

– Что именно было сказано?

– Как обычно. Что мы не выиграли. Лекси сказала, что мы должны ей деньги. Что она покупала билеты несколько прошедших недель и не собирается раскошелиться каждую неделю.

– Раскошелиться?

– Она так сказала.

- И как все отреагировали?
- Я под присягой?
- А есть разница?
- Мне хотелось бы соврать.
- Мы бы предпочли, чтобы вы этого не делали.

Дженнифер помолчала. Глубоко вдохнула. Теперь все внимание в комнате было приковано к ней.

- Я была в туалете.
- Что, простите?

– Они начинали раздражаться друг на друга, нервничать. Мне не нравятся ссоры. Я никогда не хочу участвовать в их стычках.

- Чьих стычках?

– Это иногда случается. Редко, но – достаточно часто для того, чтобы все мы могли распознать и предвидеть стычку. Джейк с Патриком сталкиваются рогами. Не по какому-то серьезному поводу, не из-за политики или религии, однако они придерживаются разных мнений о том, нужно ли школе сохранить или снести старый крикетный клуб, или часто спорят о тактике школьного тренера по хоккею. Такие мелочи. Знаете, это иногда утомляет. Поэтому я пошла в туалет, как только поняла, что ситуация накаляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.